СЛОВО ЖИВОЕ О НЕЖИВЫХЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

«La vie est une épigramme dont la *pointe* est la *mort*».

Alph. Karr.

СМЕРТЬ ИМѢЕТЪ великое, могущественное, всеочищающее свойство; вотъ почему передъ нею невольно преклоняются какъ великіе, такъ и малые міра сего. Со смертію человѣка прекращаются всѣ его отношенія къ живымъ; умершія чувства и страсти не въ силахъ возбуждать живыхъ чувствъ, живыхъ страстей; со смертію, человѣкъ мгновенно изъ настоящаго превращается въ прошедшее, изъ дѣйствительности въ воспоминаніе. Въ воспоминаніяхъ объ умершихъ, которыхъ мы видѣли и знали, обрисовывается ихъ дѣйствительный характеръ,—характеръ, не придуманный біографами, не соотвѣтствующій тѣмъ или другимъ цѣлямъ. Воспоминанія личныя даютъ живой обликъ описываемаго лица, а потому имѣютъ всегда бо́льшую или меньшую цѣнность.

I.

Отецъ мой А. А. Арсеньевъ.—Мой дѣдъ.—Зачисленіе отца моего на службу въ Преображенскій полкъ.—Воспитаніе отца.—Особый способъ французскаго воспитанія.—Проводы отца въ Петербургъ на службу.—Жизнь молодаго офицера въ Петербургѣ.—Дешевизна этой жизни.—Тогдашнія удовольствія.—Потемкинъ и штифель-манжета.—Отставка отца.—Окончаніе имъ своего образованія.—Выборы въ московскіе уѣздные предводители дворянства.—Ненависть отца къ Наполеону I.—Мнѣніе отца объ «узурпаторахъ».—Расположеніе государя Александра Павловича къ моему отцу.—Кремлевскіе сады и большой театръ въ Москвѣ.—Подрядчикъ, привязанный къ дымовой трубѣ.—Кончина отца.

Отецъ мой, Александръ Александровичъ Арсеньевъ, скончавшійся въ 1844 году, въ очень преклонныхъ лѣтахъ (ему было

болѣе 80-ти лѣтъ), лучшіе годы своей жизни провелъ въ XVIII столѣтіи. Всѣ друзья и сверстники его, по рожденію, воспитанію и складу мыслей, принадлежали къ прошедшему вѣку. Большая часть изъ нихъ свято вѣрила въ ученіе энциклопедистовъ, творенія которыхъ они знали чуть не наизустъ.

Дѣдъ мой, въ Семилѣтнюю войну, командуя кирасирскимъ полкомъ, былъ убитъ въ Силезіи. Онъ оставилъ единственнаго сына (моего отца), котораго, очень естественно, бабушка моя (рожденная Ушакова) чуть не боготворила.

Вслѣдствіе заслугъ дѣда и въ память того, что бабушка была фрейлиной при регентшѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, отецъ мой, семилѣтнимъ ребенкомъ, былъ зачисленъ на службу сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ.

Бабушка нашла нужнымъ отдать сына своего на воспитаніе въ маленькій пансіонъ къ французу, у котораго воспитывались только четыре мальчика, въ числѣ коихъ находился и извѣстный Шишковъ, впослѣдствіи президентъ академіи наукъ. По разсказамъ отца, французъ-воспитатель обращалъ особенное вниманіе на обученіе учениковъ своихъ всеобщей исторіи, географіи и французскому языку, которому научились воспитанники въ совершенствѣ. Въ субботу вечеромъ, мальчикамъ давали всегда ревеню, затѣмъ, ихъ слегка сѣкли, купали въ ваннѣ и на воскресенье отпускали физически и нравственно очищенными, къ родителямъ. Ежедневно, послѣ завтрака, французъ, привязавъ къ рукѣ каждаго изъ воспитанниковъ по шнурку, велъ ихъ гулять, не выпуская шнурковъ изъ своей руки, дабы дѣти не убѣжали отъ него. Повидимому, родители были очень довольны такою системою воспитанія своихъ дѣтей, потому что французъ, по окончаніи дѣтьми курса ученія, получилъ отъ родителей пожизненную пенсію.

Когда отцу моему минуло пятнадцать лѣтъ, бабушкѣ пришлось разстаться со своимъ сокровищемъ. Взявъ отрока съ собою, она отправилась въ часовню Иверской Божіей Матери, отслужила тамъ напутственный молебенъ и, благословивъ сына, посадила его въ колымагу, запряженную сдаточными лошадьми, которая и довезла его до Петербурга, со спутниками: старымъ дворецкимъ (онъ же былъ и дядькой), камердинеромъ и поваромъ (такъ какъ бабушка очень боялась, чтобы непривычная кухня не испортила желудка ея сокровища).

На путевыя издержки и на первое обзаведеніе въ Петербургѣ (не взирая на то, что бабушка была богата) она вручила сыну сто рублей ассигнаціями, строго наказавъ дядькѣ, чтобы онъ оберегалъ барина отъ разныхъ «обманщиковъ и безбожныхъ людей».

Я помню изъ разсказовъ отца, что сто рублей ему хватило на довольно продолжительное время и что онъ платилъ извозчику, поставлявшему ему четырехъ лошадей съ кучеромъ и форейторомъ,

по 25 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (карета принадлежала отцу). Въ то время гвардейскіе офицеры ѣздили не иначе какъ четверкой цугомъ, съ деньщикомъ, или лакеемъ, на запяткахъ.

Жизнь молодаго человѣка въ Петербургѣ, въ то время, обходилась очень дешево; кутежи бывали очень рѣдки, публичныхъ увеселеній было очень мало, и гвардейскіе офицеры довольствовались частными балами и театромъ. Женщинъ полусвѣта, которыя въ наше время поглощаютъ десятки и сотни тысячъ, тогда въ Петербургѣ не существовало. Раза два-три въ зиму молодежь высшихъ кружковъ общества ѣздила на тройкахъ, безъ дамъ, въ излюбленный въ то время «Красный Кабачекъ», гдѣ производились попойки, по большей части, исключительно шампанскимъ. Кучерамъ и лакеямъ, на господскій счетъ, подавались на кухнѣ чай, ужинъ и водка. Таковы были несложныя увеселенія тогдашней золотой молодежи.

Въ Преображенскомъ полку отецъ мой служилъ до чина капитана и вышелъ въ отставку по очень оригинальной причинѣ. Онъ былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію въ Крымъ, для набора рекрутъ въ Преображенскій полкъ. По окончаніи даннаго ему порученія, отецъ мой долженъ былъ представить рекрутъ могущественному любимцу Екатерины — Потемкину. Послѣдній остался очень доволенъ исполненіемъ порученія и велѣлъ отцу моему явиться къ нему на другой день, дабы объяснить, какъ именно онъ производилъ вербовку рекрутъ. Отецъ явился въ назначенное время и подходилъ съ радужнымъ лицомъ къ свѣтилу свѣтилъ, какъ вдругъ Потемкинъ жестомъ руки остановилъ его.

— Послушайте, г. офицеръ, на что похожи вы?! Вы не гвардеецъ, а неряха!

Что же оказалось? — у отца съѣхала съ сапога штифель-манжета.

Отецъ, оскорбленный этимъ диктаторскимъ замѣчаніемъ, на другой же день подалъ прошеніе объ отставкѣ и былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ бригадиры (чинъ, соотвѣтствующій рангу статскаго совѣтника). Молодой бригадиръ немедленно покинулъ Петербургъ и поселился въ своемъ родномъ городѣ — Москвѣ-Бѣлокаменной.

Въ царствованіе императора Павла Петровича, отецъ мой не служилъ, посвятивъ все свое время, какъ онъ выражался, «окончанію недоконченнаго своего образованія»; онъ читалъ очень много, учился нѣмецкому языку, занимался исторіей и философіей, глоталъ съ жадностію творенія энциклопедистовъ (бывшихъ тогда въ большой модѣ), училъ самъ грамотѣ крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей и выдавалъ прилежнѣйшимъ изъ нихъ награды. Все лѣто онъ проводилъ въ подмосковномъ своемъ имѣніи, гдѣ составилъ себѣ богатую библіотеку, тысячъ въ пять томовъ, которая ча-

стію сгорѣла, а частію была растаскана во время Отечественной войны 1812 года.

Въ началѣ царствованія императора Александра Павловича, отецъ мой былъ избранъ въ московскіе уѣздные предводители дворянства. Въ этой должности онъ находился во все продолженіе Отечественной войны и выѣхалъ изъ Москвы въ одну заставу, когда въ другую, въ то же самое время, въѣзжалъ въ Москву, со своимъ многочисленнымъ разношерстнымъ штабомъ и войскомъ, императоръ Наполеонъ I.

Ненависть отца моего къ «Бонапартишкѣ» (какъ онъ называлъ Наполеона) не имѣла границъ, и когда произносили имя «узурпатора», онъ изъ самаго добродушнаго, сердечнаго человѣка превращался въ лютаго звѣря. У отца были двѣ собаки: одна прозывалась Жозефинкой, а другая Наполеошкой; такимъ невинвыраженіемъ негодованія къ Наполеону онъ успокоивалъ

л. До мозговъ костей легитимистъ, онъ не могъ допустить мысли, чтобы, кромѣ законнаго наслѣдника, родившагося на престолѣ, могъ кто нибудь другой занять этотъ престолъ. «Наслѣдственный монархъ (говорилъ онъ) не можетъ быть пристрастенъ, не можетъ никого ненавидѣть уже потому, что по своему положенію не можетъ имѣть личныхъ враговъ. Законному монарху не для чего хитрить и лукавить; между тѣмъ какъ узурпаторы, прежде всего, принуждены платить жирно тѣмъ, которые помогали имъ сѣсть на престолъ. Они по неволѣ должны лгать и обманывать народъ. Всѣ узурпаторы мошенники, проходимцы, грабители и воры»... [1]).

Государь Александръ Павловичъ любилъ и уважалъ отца и всегда, когда пріѣзжалъ въ Москву, удостоивалъ его приглашеніями на неоффиціальные обѣды.

Послѣ предводительства, отецъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи строеній, существовавшей въ то время въ Москвѣ, а затѣмъ сенаторомъ, въ каковомъ званіи и остался до самой кончины.

По иниціативѣ его и по его настоянію, когда онъ былъ членомъ коммиссіи строеній, уничтожена была грязная рѣченка, обмывавшая стѣны Кремля, и на ея мѣстѣ разбиты были три сада, которые носили названіе «Кремлевскихъ садовъ» (кажется, теперь называются Александровскими).

При моемъ отцѣ построенъ былъ московскій Большой театръ. По случаю этой постройки, считаю нелишнимъ упомянуть о курьёзномъ эпизодѣ, сопровождавшемъ окончательную отдѣлку этого театра.

Ко дню его освященія и открытія долженъ былъ прибыть въ Москву государь Александръ Павловичъ. Между тѣмъ, подрядчикъ

---

[1]) Подлинныя слова изъ оставшейся послѣ него памятной книжки.

медлилъ отдѣлкой театра подъ разными предлогами. Это взбѣсило моего отца, и онъ распорядился болѣе чѣмъ энергически, чтобы заставить подрядчика окончить принятую имъ обязанность къ прибытію государя: онъ велѣлъ привязать подрядчика къ трубѣ, на крышѣ театра, и объявилъ ему, что не отпуститъ его съ крыши до тѣхъ поръ, пока отдѣлка театра не будетъ окончена къ пріѣзду государя. Черезъ два дня подрядчикъ исполнилъ великолѣпно принятую имъ, по контракту, обязанность, и театръ былъ готовъ къ назначенному сроку.

Государь, узнавъ объ оригинальномъ способѣ, употребленномъ отцомъ моимъ, относительно исполненія подрядчикомъ принятыхъ имъ на себя обязанностей, какъ будто бы разсердился, но потомъ смѣялся до упаду и неоднократно вспоминалъ объ этомъ при свиданіяхъ съ отцомъ, присовокупляя:

— Ты, Александръ Александровичъ, истый татаринъ, для тебя законы не писаны!

Отецъ мой, до глубокой старости, былъ очень красивъ собою и по привычкамъ, манерамъ, образу мыслей, походилъ на французскаго маркиза XVIII столѣтія. Садился онъ за столъ не иначе, какъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, всегда напудренный, съ кружевнымъ жабо, выходящимъ изъ-за жилета. Въ два часа, ежедневно, онъ уже возвращался изъ сената домой, садился въ большое кресло близь угольнаго окна нашего дома и тотчасъ же приказывалъ читать себѣ газеты: «Московскія Вѣдомости», «Journal de Francfort» и «Débats». Чтеніе оканчивалось ровно въ три часа, въ ту минуту когда дворецкій докладывалъ, что «кушанье поставлено». Къ обѣду ежедневно пріѣзжали друзья и пріятели отца, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой jour fixe. Меньше 15—16 человѣкъ, на сколько я помню, у насъ никогда не садилось за столъ, и обѣдъ продолжался до 6-ти часовъ. За симъ всѣ разъѣзжались, а отецъ отправлялся въ англійскій клубъ, гдѣ обязательно игралъ шесть роббероръ въ вистъ.

Наканунѣ кончины своей (отцу было далеко за 80 лѣтъ) онъ былъ въ клубѣ и, возвратившись домой, по обыкновенію, въ 11 часовъ вечера, объявилъ, что чувствуетъ себя очень дурно и полагаетъ, что завтра умретъ. Слова его сбылись: на другой день, въ 4 часа по полудни, онъ скончался безъ всякихъ страданій, угасши какъ свѣча.

II.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.—Его наружность и костюмъ.—Церемонность баснописца.—Его мнѣніе о басняхъ.—Визитъ его къ дѣтямъ.—Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ.—Щедрость его.—Его костюмъ и экипажъ.—Обычное начало разговоровъ.—Любовь Юсупова ко всему изящному.—Гаврило-мѣняла.—Сынъ Юсупова.—Домашній балетъ и балерины.—Великопостныя балетныя представленія.—Танцовщица Воронина-Иванова.—Мнѣніе Юсупова о своемъ сынѣ.—Кончина его.

Перейду къ плеядѣ друзей, пріятелей и знакомыхъ моего отца, образы которыхъ врѣзались въ моей памяти съ младенчества. Бо̀льшая часть изъ нихъ принадлежала тоже къ XVIII столѣтію и носила на себѣ отпечатокъ этой эпохи, какъ по внѣшности, такъ и по образу мыслей.

Начну съ Ивана Ивановича Дмитріева, извѣстнаго баснописца, бывшаго когда-то министромъ юстиціи и поселившагося въ Москвѣ «ради спокойствія», какъ онъ выражался.

Наружность И. И. Дмитріева была довольно оригинальна: всегда въ свѣтло-коричневомъ или въ свѣтло-синемъ фракѣ съ свѣтлыми металлическими пуговицами, въ рыжемъ парикѣ огромныхъ размѣровъ, съ завитыми буклями въ три яруса, въ коротенькихъ панталонахъ въ обтяжку, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ золотыми пряжками. Говорилъ онъ басомъ, очень плавно и протяжно, подчеркивая слова, на которыя ему хотѣлось обратить вниманіе слушателей.

Иванъ Ивановичъ былъ жестокій формалистъ, вѣжливъ и церемоненъ до-нѣльзя; со мной и съ моимъ братомъ, 12-ти—13-тилѣтними дѣтьми, говорилъ тоже очень серьёзно, и когда однажды гувернеръ нашъ, французъ Фешотъ, хотѣлъ похвастаться знаніями воспитанниковъ своихъ и заставилъ насъ продекламировать басни Лафонтена, Флорьяна и Крылова, Дмитріевъ очень внушительно, но съ этимъ вмѣстѣ церемонно замѣтилъ, что «наизусть учить басни, если ему дозволятъ такъ выразиться, не вполнѣ достигаетъ научно-воспитательныхъ цѣлей, потому что басни пишутся вообще не для дѣтей, а для взрослыхъ». Между тѣмъ, для того, вѣроятно, чтобы смягчить свое мнѣніе, ради наставника, онъ очень похвалилъ меня за прочитанную мною басню «Le paysan du Danube», что̀ доставило мнѣ большое удовольствіе и вслѣдствіе чего я искренно полюбилъ Ивана Ивановича. Вспоминая объ этомъ, я убѣдился, что лесть имѣетъ великое значеніе въ жизни человѣка, такъ какъ дѣйствуетъ даже на неиспорченныя натуры,—на натуры, не подвергавшіяся еще вліянію плѣсени моря житейскаго.

Лафонтена и Крылова онъ называлъ геніальными писателями, но, по слабости, врожденной всякому человѣку, неоднократно гова-

ривалъ, что басня «Дубъ и Трость» удалась ему, Дмитріеву, гораздо лучше, чѣмъ Крылову, и въ особенности хвастался своимъ концомъ этой басни — счастливой антитезой.

До какой степени Иванъ Ивановичъ любилъ церемонность, доказываетъ слѣдующій, мнѣ чрезвычайно памятный, случай. Однажды, отецъ мой какъ-то заболѣлъ (что съ нимъ случалось очень и очень рѣдко, не взирая на преклонныя лѣта) въ одно время съ Дмитріевымъ и, не имѣя возможности выѣхать, послалъ меня и брата съ гувернеромъ къ Ивану Ивановичу, чтобы узнать о его здоровьѣ. Дмитріевъ принялъ насъ очень ласково, подарилъ намъ по экземпляру своихъ басенъ, напоилъ шоколадомъ и на прощаньѣ, передавая намъ по фунту конфектъ, очень благодарилъ за доставленное ему удовольствіе нашимъ визитомъ. Недѣли двѣ спустя, находясь въ классной комнатѣ, выходящей окнами на дворъ, мы увидѣли въѣзжавшую карету, запряженную четверкою цугомъ, подъѣзжающую къ маленькому нашему подъѣзду. Это былъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, который пріѣхалъ отдать намъ, 12-ти-лѣтнимъ дѣтямъ, визитъ. Отецъ, войдя въ это время въ нашу комнату и увидя Дмитріева, очень смѣялся надъ его церемонностью, но тотъ чрезвычайно серьёзно сказалъ ему:

— Не смѣйся, другъ мой, что я отдаю визитъ твоимъ дѣтямъ; я рабъ приличій и совѣтую юношамъ придерживаться всегда тѣхъ же правилъ.

У Дмитріева была великолѣпная библіотека въ его воистинну барскомъ, хотя и небольшомъ домѣ, въ переулкѣ (не помню названія) около Тверской. Домъ этотъ, съ прелестнымъ садомъ, огражденнымъ чугунною рѣшеткою, принадлежитъ теперь Волкову, содержателю банкирской конторы.

Дмитріевъ скончался въ Москвѣ, въ очень преклонныхъ лѣтахъ.

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, закадычный другъ покойнаго отца моего, былъ, въ полномъ смыслѣ слова, вельможа старыхъ временъ. Я помню его, когда ему было уже лѣтъ подъ восемьдесятъ; онъ занималъ тогда мѣсто предсѣдателя кремлевской экспедиціи — постъ, считавшійся въ то время весьма почетнымъ. Князь Юсуповъ когда-то состоялъ нашимъ посланникомъ при неаполитанскомъ дворѣ и оставилъ по себѣ въ Неаполѣ завидную память: его любили и уважали всѣ, начиная отъ короля и кончая бѣднымъ, нуждающимся населеніемъ, которому онъ всегда помогалъ чрезвычайно щедрою рукою. Въ Москвѣ онъ уже былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ перваго класса, съ лентою Андрея Первозваннаго, съ брилліантовымъ эполетомъ на одномъ плечѣ—съ отличіемъ, котораго, кажется, никто не имѣлъ никогда,— никто, кромѣ него, ни прежде, ни послѣ.

Князь Н. Б., изъ своего присутствія, находившагося въ Кремлѣ, почти ежедневно заѣзжалъ къ намъ, по дорогѣ въ свой домъ, въ Харитоньевскомъ переулкѣ (нынѣ рабочій домъ!!). Юсуповъ ѣздилъ всегда въ четырехмѣстномъ ландо, запряженномъ четверкой лошадей, цугомъ, съ двумя гайдуками на запяткахъ и любимымъ калмыкомъ на козлахъ подлѣ кучера. Костюмъ обычный князя Николая Борисовича былъ свѣтлый, синій фракъ, съ бархатнымъ воротникомъ; на головѣ напудренный парикъ съ косичкой, оканчивавшейся чернымъ бантомъ, въ видѣ кошелька. Его сопутствовала постоянно левретка, лежавшая въ каретѣ, противъ него, на подушкѣ, съ золотымъ ошейникомъ на шеѣ. Юсупова почти выносили изъ кареты его гайдуки, и когда онъ входилъ въ комнату, то шмыгалъ ногами по полу и кашлялъ такъ громко, что его можно было слышать чрезъ три-четыре комнаты, вслѣдствіе чего мать моя выходила изъ маленькой гостинной въ столовую, гдѣ всегда сидѣлъ въ это время мой отецъ, и Юсуповъ подходилъ къ ней, по обычаю, къ ручкѣ. За симъ старики обнимались, и Юсуповъ начиналъ разговоръ съ отцомъ обычною фразой: «Да, любезный другъ, а плохо старикамъ жить на свѣтѣ — и климатъ-то измѣнился, и силы-то не тѣ, да, признаться, и скучновато». И эта фраза повторялась изо дня въ день, и оба старика находили ее вполнѣ естественной.

Хорошо образованный для своего времени (о воспитаніи, о которомъ нынче мало думаютъ, и говорить нечего — оно было образцовое), безконечно щедрый, Юсуповъ любилъ покровительствовать художникамъ, людямъ, которыхъ онъ находилъ даровитыми, какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ. Въ натурѣ его была жилка любви ко всему хорошему, ко всему изящному, ко всему умному.

Вотъ, между прочимъ, одинъ изъ случаевъ, обрисовывавшій характеръ Юсупова.

Однажды, когда онъ возвращался домой изъ своего кремлевскаго присутствія и ѣхалъ по площади близь памятника Минина и Пожарскаго, у кареты его сломалась рессора, и онъ вынужденъ былъ выйдти изъ экипажа. У пьедестала памятника разложилъ свой товаръ мальчикъ-букинистъ, къ которому и подошелъ Юсуповъ. Князь вступилъ въ разговоръ съ юнымъ продавцемъ книжнаго товара, который оказался очень бойкимъ и умнымъ малымъ. Букинисту этому Юсуповъ велѣлъ прійдти на другой день къ себѣ и далъ ему денегъ, чтобы нанять помѣщеніе для книжной торговли и для покупки товара. До конца своей жизни, князь Юсуповъ помогалъ букинисту Волкову, который разбогатѣлъ въ очень короткое время, а впослѣдствіи открылъ магазинъ старинныхъ вещей, которыми бойко торговалъ, не имѣя себѣ конкуррентовъ въ Москвѣ, кромѣ Лухманова, нажившаго себѣ тоже состояніе мѣною, покупкою и продажею старыхъ вещей. Волковъ былъ извѣ-

стенъ въ Москвѣ подъ именемъ Гаврилы-мѣнялы, занимался впослѣдствіи дѣлами сына князя Николая Борисовича Юсупова, Бориса Николаевича, который давалъ деньги подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ за крупные проценты. Гаврило-мѣняла оставилъ послѣ себя на столько значительное состояніе, что дѣти его открыли банкирскія конторы въ Москвѣ и Петербургѣ.

Юсуповъ любилъ театръ и въ особенности балетъ. Въ Харитоньевскомъ переулкѣ, напротивъ занимаемаго имъ дома, находился другой принадлежащій ему же домъ, окруженный высокою каменною стѣною, въ которомъ помѣщался Юсуповскій сераль съ 15—20-ю его дворовыми наиболѣе миловидными дѣвицами. Этихъ дѣвицъ Юсуповъ обучалъ танцамъ; уроки давалъ имъ извѣстный танцмейстеръ Іогель. Великимъ постомъ, когда прекращались представленія на императорскихъ театрахъ, Юсуповъ приглашалъ къ себѣ закадычныхъ друзей и пріятелей на представленія своего крѣпостнаго коръ-де-балета. Танцовщицы, когда Юсуповъ подавалъ извѣстный знакъ, спускали моментально свои костюмы и являлись предъ зрителями въ «природномъ» видѣ, что̀ приводило въ восторгъ стариковъ-любителей всего изящнаго.

Но, кромѣ крѣпостныхъ балеринъ, Юсуповъ, до кончины своей, содержалъ знаменитую танцовщицу Воронину-Иванову, которую, въ бенефисъ ея, награждалъ рѣдкими брилліантами.

Вообще, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ былъ самый страстный, самый постоянный любитель женской красоты, въ разнообразнѣйшихъ ея воплощеніяхъ и типахъ.

Князь Юсуповъ хотя и былъ женатъ, но не жилъ съ женою, отъ которой имѣлъ сына, князя Бориса Николаевича, извѣстнаго всему Петербургу самодура, далеко не наслѣдовавшаго ни умомъ, ни щедростію, ни благородными порывами своего отца. Сына своего князь Николай Борисовичъ терпѣть не могъ и говорилъ всегда про него: «Ce gros benêt a la nature d'un maigre commerçant».

Юсуповъ умеръ въ Москвѣ, въ 1832 году, во время первой свирѣпствовавшей тамъ холеры.

III.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ. — Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. — Ихъ взаимныя отношенія. — Впечатлѣніе на меня А. С. Пушкина. — Ольга Алексѣевна и смородинная наливка. — Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ и стихи Пушкина на него.—Князь Д. М. Волконскій.—Результаты чтенія имъ стиховъ Пушкина.—Волконскій и индѣйка Солнцева.—П. Я. Чаадаевъ.—Его недовольство и за симъ предписанное сумашествіе.—Характеръ Чаадаева.—Его кончина.

Въ настоящихъ воспоминаніяхъ я не придерживаюсь никакого систематическаго порядка: они писались по мѣрѣ того, какъ воспоминанія мои воспроизводили образы лицъ, которыхъ я видѣлъ и

зналъ; я не допускаю возможности, въ воспоминаніяхъ, послѣдовательности изложенія, такъ какъ послѣдовательность требуетъ подготовки, а подготовка сама собою ведетъ къ дѣланности, то есть къ невольной фальши. Я, въ этихъ очеркахъ, являюсь не живописцомъ, а фотографомъ.

Оговорившись, продолжаю.

Въ числѣ коротко знакомыхъ, не коренныхъ москвичей, а заѣзжихъ, бывали у насъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ и сынъ его, Александръ Сергѣевичъ. Внѣшность перваго не допускала и мысли о присутствіи въ жилахъ его даже капли африканской, «ганнибаловской» крови, которою такъ гордился знаменитый сынъ его; это былъ человѣкъ небольшаго роста, съ проворными движеніями, съ носикомъ въ родѣ клюва попугая. Онъ постоянно пѣтушился, считалъ себя, неизвѣстно почему, аристократомъ, хвасталъ своимъ сыномъ (всегда въ отсутствіе послѣдняго), котораго не любилъ. Когда, бывало, батюшка столкнется у насъ съ сынкомъ, у нихъ непремѣнно начнутся пререканія, споры, даже ссоры, если Сергѣй Львовичъ вздумаетъ сдѣлать сыну какое нибудь замѣчаніе о необходимости поддержанія родственныхъ связей и связей свѣта. Ссоры эти заходили иногда такъ далеко, что отецъ мой находилъ нужнымъ останавливать ссорившихся и, пользуясь почтенными своими годами, давалъ крѣпкую нотацію отцу и сыну, говоря первому, что онъ не кстати чопоренъ, а второму, что «порядочному человѣку, хотя бы и даже генію стихотворства, слѣдуетъ всегда уважать своего отца».

Я долженъ сознаться, что великій нашъ поэтъ оставилъ во мнѣ, какъ ребенкѣ, самое непріятное впечатлѣніе: бывало пріѣдетъ къ намъ и тотчасъ отправится въ столовую, гдѣ я съ братомъ занимался рисованіемъ глазъ и носовъ, или складываньемъ вырѣзныхъ географическихъ картъ: Пушкинъ, первымъ дѣломъ, находилъ нужнымъ испортить намъ наши рисунки, нарисовавъ очки на глазахъ, нами нарисованныхъ, а подъ носами чорныя пятна, говоря что теперь у всѣхъ насморкъ, а потому безъ этихъ «капель» (чорныхъ пятенъ) носы не будутъ натуральны. Если мы занимались складными картами, А. С. непремѣнно переломаетъ бывало кусочки и въ заключеніе ущипнетъ меня, или брата, довольно больно, что заставляло насъ кричать. За насъ обыкновенно заступалась «дѣвица изъ дворянъ» Ольга Алексѣевна Борисова, завѣдывавшая въ домѣ чайнымъ хозяйствомъ и необыкновенно хорошо приготовлявшая ягодныя наливки. Она говорила Пушкину, что такъ поступать съ дѣтьми нельзя и что пожалуется на него «господамъ».

Тутъ Пушкинъ принимался льстить Ольгѣ Алексѣевнѣ, цѣловалъ у нея ручку, превозносилъ искусство ея приготовлять наливки чуть не до небесъ, и дѣло кончалось тѣмъ, что старуха смягчалась, прощала «шалопуту», какъ она его называла, и, обра-

тивъ гнѣвъ на милость, угощала Пушкина смородиновкой. которую онъ очень любилъ.

Ни одинъ пріѣздъ къ намъ Александра Сергѣевича не проходилъ безъ какой нибудь съ его стороны злой шалости.

Какъ теперь помню, 1-го мая, когда къ намъ, по случаю гулянья въ Сокольникахъ, собирались всегда друзья и завсегдатаи отца на обѣдъ съ рубцами, а менѣе знакомые гости вечеромъ, чтобы смотрѣть изъ нашихъ оконъ на проѣзжающихъ, явился на обѣдъ Александръ Сергѣевичъ. Пріѣхали тоже обѣдать: Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ [1]), женатый на родной теткѣ Пушкина, Аннѣ Львовнѣ, князь Дмитрій Михайловичъ Волконскій [2]), который страшно заикался, М. А. Салтыковъ, П. Я. Чаадаевъ и другіе охотники до разсольника съ рубцами. Пушкинъ, передъ обѣдомъ, отвелъ въ сторону Волконскаго и передалъ ему только-что написанные имъ стихи на Солнцева, прося его прочесть ихъ за обѣдомъ.

Стихи эти начинались такъ:

«Былъ да жилъ пѣтухъ индѣйскій,
Онъ цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что Солнцевъ былъ дѣйствительно похожъ на индѣйскаго пѣтуха: толстый, постоянно пыхтѣвшій, чванный и вѣчно всѣмъ недовольный, онъ спорилъ, что называется, «до ризъ положенія».

Когда съѣли жаркое и подали сладкое, Волконскій вынулъ изъ кармана стихи Пушкина и сталъ читать ихъ, безпрестанно заикаясь и повторяясь. Эффектъ оказался грандіознымъ: сидящіе за столомъ, въ особенности Чаадаевъ, не могли удержаться отъ гомерическаго смѣха; даже нашъ французъ гувернеръ Фесшотъ, не взирая на природную ему серьёзность и обязательную «комъ-иль-фотность», не вытерпѣлъ и, желая запить смѣхъ, поперхнулся и брызнулъ краснымъ виномъ на свою тарелку.

Солнцевъ побагровѣлъ отъ злости и всталъ изъ-за стола. Отецъ мой и мать съ большимъ трудомъ успокоили Солнцева, котораго въ другой комнатѣ долго отпаивали холодной водой съ сахаромъ и флёръ-д'оранжемъ. Пушкинъ въ это время улетучился, очень

[1]) Солнцевъ имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника, былъ камергеромъ и прислугѣ своей приказывалъ величать себя не иначе какъ «ваше превосходительство».

[2]) Отставной генералъ-лейтенантъ, георгіевскій кавалеръ 3-й степени. Онъ получилъ особую извѣстность потому, что императоръ Павелъ Петровичъ далъ въ его распоряженіе одинъ корабль и приказалъ взять островъ Мальту, близъ котораго стоялъ англійскій флотъ. Волконскаго англичане взяли въ плѣнъ, и онъ оставался въ плѣну, по собственному желанію, во все время царствованія Павла Петровича.

довольный придуманнымъ имъ фарсомъ, чуть было не розыгравшимся крайне печально, потому что Солнцевъ долго хворалъ послѣ этого.

Напыщенный и чванный Солнцевъ былъ, сверхъ того, очень скупъ. Однажды онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать обычныхъ пріятелей и въ томъ числѣ князя Волконскаго, случайно завтракавшаго у него наканунѣ. Во время обѣда подали какой-то соусъ изъ индѣйки. Волконскій всталъ и началъ кланяться блюду, говоря: «ахъ, старая, вчерашняя знакомая! Мое нижайшее почтеніе»!

Въ другой разъ Волконскій, у того же Солнцева, подозвалъ къ себѣ служащаго за обѣдомъ слугу, передалъ ему кусокъ хлѣба и сказалъ: «Послушай, любезный, подай мнѣ настоящій кусокъ хлѣба по этому образцу»! Но Солнцевъ не смѣлъ сердиться на Волконскаго, потому что тотъ былъ, въ свою очередь, очень зубастъ.

Солнцевъ привезъ къ намъ въ домъ и рекомендовалъ, «какъ замѣчательнаго по независимому уму человѣка», Петра Яковлевича Чаадаева, извѣстнаго сочинителя письма о Россіи, познакомившагося у насъ съ Николаемъ Ивановичемъ Надеждинымъ, который бывалъ у насъ очень часто и котораго отецъ мой очень любилъ. Письмо Чаадаева, какъ извѣстно, было напечатано Надеждинымъ, послѣ цензурнаго пропуска Болдыревымъ, бывшимъ ректоромъ Московскаго университета. По напечатаніи письма, Надеждинъ былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, Болдыревъ отрѣшенъ отъ должности, а къ Чаадаеву, по приказанію государя Николая Павловича, пріѣзжалъ, втеченіе цѣлаго года, полицейскій врачъ, справлявшійся о состояніи его умственныхъ способностей, щупая ему пульсъ и заставляя высовывать языкъ, такъ какъ Чаадаева велѣно было признавать временно-сумасшедшимъ.

Чаадаевъ имѣлъ чрезвычайно пріятную наружность; манеры у него были французскаго аристократа старыхъ временъ. Онъ (говорю о времени, предшествовавшемъ его писательству) причислялъ себя къ числу недовольныхъ (въ сущности весьма невинныхъ въ ту эпоху). Недовольнымъ Чаадаевъ сдѣлался послѣ того, когда его исключили изъ офицеровъ Семеновскаго полка за то, что, ѣхавши изъ Петербурга въ Вѣну, гдѣ тогда находился государь Александръ Павловичъ, онъ опоздалъ и о волненіи Семеновскаго полка привезъ извѣстіе уже послѣ того, что Меттернихъ сообщилъ императору, на балѣ, самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ событіи.

Чаадаевъ постоянно и очень громко критиковалъ всѣ административныя распоряженія въ Россіи, считалъ себя непонятымъ правительствомъ и обществомъ, и на его вечера (послѣ понесенной имъ кàры) собирались съ большою охотою пріятели его изъ англійскаго клуба, рѣшавшіе въ то время самые запутанные политическіе вопросы.

Чаадаевъ былъ отличнымъ діалектикомъ и говоря кусалъ себѣ постоянно губы, вслѣдствіе чего онѣ у него, отъ времени до времени, распухали такъ, что ему нерѣдко приходилось (будучи уже офиціально несумасшедшимъ) обращаться къ доктору. Единственнымъ достойнымъ опонентомъ Чаадаеву являлся Н. Ф. Павловъ (авторъ въ свое время производившихъ фуроръ «Трехъ повѣстей», впослѣдствіи редакторъ-издатель журнала «Наше Время» и «Русскихъ Вѣдомостей»), который постоянно разбивалъ всѣ доводы Чаадаева и заставлялъ присутствующихъ соглашаться съ своимъ мнѣніемъ [1]).

Петръ Яковлевичъ наружно дружилъ съ славянофилами, но когда таковыхъ на лицо не было, всласть насмѣхался надъ ними, называя ихъ «закорузлыми тирольцами въ зипунахъ». Чаадаевъ былъ человѣкъ очень добрый и мягкосердечный, очень любилъ Грановскаго, которому, въ минуты жизни трудныя послѣдняго, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, помогалъ чрезвычайно щедро. Вся злость Чаадаева ограничивалась собственно словами, которыя онъ расточалъ всегда безъ мѣры. Петръ Яковлевичъ умеръ въ Москвѣ, оставивъ по себѣ самую добрую, сердечную память.

И. Арсеньевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) О Павловѣ я буду говорить ниже.

СЛОВО ЖИВОЕ О НЕЖИВЫХЪ [1].

(Изъ моихъ воспоминаній).

IV.

Братья Антонъ и Жеромъ Бравура.—Переѣздъ Антона Бравура въ нашъ домъ.—Производство его Потемкинымъ въ профессоры филармонической академіи.—Мундиръ Бравура.—Племянникъ его и красавица-племянница.—Маркизъ де-Фаринелли.—Галантерейность князя Юсупова.—Итальянская колонія въ Москвѣ.—Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій.—Князь Шаликовъ.—Карлъ Ивановичъ Миллеръ.—Оригинальный способъ мощенія улицъ.—Гусарскій отставной маіоръ Доможировъ.—Его своеобразная промышленность.—Жобаръ и графъ С. С. Уваровъ.—Прощальная визитная карточка Жобара.

ВЪ МОСКВѢ, въ 30-хъ—40-хъ годахъ, жили два итальянца, Антонъ и Жеромъ Бравура; оба они были когда-то пѣвчими въ капеллѣ папы, оба были кастраты и до конца жизни были обречены говорить дискантомъ. Жеромъ считался въ то время лучшимъ учителемъ пѣнія въ Москвѣ и давалъ уроки во всѣхъ аристократическихъ домахъ. Что же касается Антона Бравура, то онъ, наживъ кое-какія деньги уроками пѣнія, нашелъ гораздо для себя выгоднѣе заняться покупкою и продажею картинъ и старинныхъ вещей, помощію чего составилъ себѣ круглый капиталецъ.

Будучи хорошимъ игрокомъ въ коммерческія игры, Антонъ Бравура, въ англійскомъ клубѣ, снискалъ расположеніе къ себѣ ста-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVII, стр. 69.

рыхъ завсегдатаевъ этого аристократическаго въ то время вечерняго ихъ убѣжища. Къ Антону Бравура старики такъ привыкли, что постоянно звали его къ себѣ или обѣдать, или вечеромъ, на партію моднаго тогда «бостона».

Отецъ мой предложилъ однажды Антону Бравура даровую квартиру у насъ въ домѣ, на антресоляхъ, съ условіемъ, чтобы онъ ежедневно у насъ обѣдалъ, а вечеромъ сопровождалъ его въ англійскій клубъ. Итальянецъ-кастратъ съ величайшею готовностью принялъ предложеніе отца, и съ этого дня сдѣлался у насъ своимъ домашнимъ человѣкомъ.

Антонъ Бравура, по прибытіи въ Россію, попалъ, не помню какъ, въ фавориты Потемкина, который нашелъ нужнымъ произвести его въ профессоры, никогда не существовавшей въ Россіи, филармонической академіи. Съ этимъ званіемъ, Бравура получилъ отъ Потемкина шитый золотомъ мундиръ. Рисунокъ шитья заключался изъ изображеній всевозможныхъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. Два раза въ годъ, а именно 1-го января и въ первый день Пасхи, Бравура, къ обѣду, наряжался въ свой мундиръ и не иначе садился за столъ, какъ завязавъ у горла салфетку, долженствовавшую охранять мундиръ его отъ пятенъ.

У Бравура былъ племянникъ (сынъ третьяго брата, какимъ-то чудомъ спасшагося отъ кастраціи), который былъ женатъ на замѣчательной красавицѣ. Всѣ старики, и въ особенности князь Юсуповъ, были очарованы мадамъ Бравура и старались всячески угождать ей. Юсуповъ пристроилъ мужа красавицы на службу въ провіантское вѣдомство, смотрителемъ провіантскаго магазина, вслѣдствіе чего Бравура-племянникъ получилъ названіе «маркиза Фаринелли» (въ переводѣ—«мучнаго маркиза»).

Однажды, лѣтомъ, Юсуповъ пригласилъ г-жу Бравура и пріятелей своихъ обѣдать къ себѣ. Обѣдали въ саду, и Юсуповъ, сорвавъ съ дерева наливное яблоко, поднесъ его красавицѣ. Та нашла яблоко по вкусу и попросила князя прислать ей нѣсколько яблокъ. Тотъ обѣщалъ, и дня черезъ два мадамъ Бравура получила десятокъ огромныхъ картонныхъ яблоковъ, наполненныхъ червонцами и присланныхъ въ большой серебряной мискѣ.

Мадамъ Бравура была дѣйствительно рѣдкой красоты женщина и, по смерти мужа, «маркиза Фаринелли», переѣхала на жительство въ Петербургъ и вышла замужъ за содержателя англійскаго магазина, Когуна.

По перекочевкѣ Антона Бравура въ нашъ домъ, у насъ появилась чуть не вся итальянская колонія Москвы: знаменитый портретистъ Тончи, скульпторъ Витали, «maître maçon» Карлони (онъ же и архитекторъ кремлевской экспедиціи у князя Юсупова), содержатель магазина рѣдкостей Негри и другъ. Всѣ эти итальянцы

пользовались у насъ широкимъ гостепріимствомъ, котораго никогда во зло не употребляли.

Пріятели отца очень любили общество итальянцевъ; въ особенности же къ нимъ были расположены: князь Юсуповъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій (сенаторъ и начальникъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, нашъ самый близкій сосѣдъ по дому) и князь Шаликовъ (бывшій редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», которыя въ новый годъ выходили всегда съ его стихами).

Князь Шаликовъ былъ очень остроуменъ и энциклопедически образованъ; онъ говорилъ всегда плавно, съ нѣжной интонаціей голоса, любилъ иногда эротическіе разговоры, прикрытые завѣсою скромности.

Среди этого общества, никогда не поднимавшаго голоса во время разговоровъ, странно было видѣть оригинальную личность Карла Ивановича Миллера (побочнаго сына знаменитаго Волынскаго), отставнаго маіора, съ золотымъ очаковскимъ крестомъ въ петлицѣ.

Карлъ Ивановичъ не говорилъ, а трубилъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; его голосъ можно было слышать черезъ три-четыре комнаты. Замѣчателенъ онъ былъ тѣмъ, что, купивъ въ Харитоньевскомъ переулкѣ клочокъ земли, собирая ежедневно раннимъ утромъ булыжникъ на улицахъ, нашелъ возможнымъ чрезъ нѣсколько лѣтъ вымостить этимъ булыжникомъ улицу передъ своимъ домомъ, такъ что матеріалъ для мостовой обошелся ему даромъ.

Миллеръ ни зимой, ни лѣтомъ не надѣвалъ на себя бѣлья, а надѣвалъ сапоги и платье на голое тѣло; о галошахъ и тепломъ платьѣ у него и помину не было, такъ какъ онъ утверждалъ, что если бы человѣку нужна была теплая одежда, то Богъ бы ему далъ ее при рожденіи. Карла Ивановича, не взирая на его угловатость и отсутствіе свѣтскихъ формъ, всѣ любили и уважали, какъ человѣка рѣдкой честности и доброты.

Онъ, напримѣръ, призрѣвалъ у себя въ домѣ довольно долгое время извѣстнаго всей Москвѣ Доможирова, отставнаго гусарскаго маіора, который, вслѣдствіе бѣдности, изобрѣлъ себѣ особаго рода промыселъ—предшествовать всѣ погребальныя процессіи. Онъ, на богатыхъ похоронахъ, всегда шелъ впереди кортежа, въ отставномъ гусарскомъ голубомъ мундирѣ, въ треугольной огромной шляпѣ, съ воткнутымъ въ нее полуаршиннымъ бѣлымъ султаномъ. Когда, бывало, говорятъ о похоронахъ, то при этомъ прибавляютъ: «да, похороны были богатыя, съ Доможировымъ». Купеческія похороны были особенно выгодны для стараго гусарскаго маіора, потому что онъ тутъ даромъ наѣдался на поминкахъ и, кромѣ того, получалъ за свою оригинальную службу отъ пяти до десяти рублей ассигнаціями.

Не взирая на этотъ скромный доходъ, Доможировъ, какъ разсказывали, съумѣлъ скопить себѣ маленькій капиталецъ, который

далъ ему возможность существовать, когда силы уже не позволяли ему выходить изъ дому, чтобы заниматься своимъ почетнымъ ремесломъ.

Въ заключеніе настоящей главы, не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о личности, которая въ сороковыхъ годахъ производила фуроръ въ Москвѣ, а именно о французѣ Жобарѣ.

Альфонсъ Жобаръ долгое время былъ въ Петербургѣ преподавателемъ французскаго языка въ учебныхъ женскихъ заведеніяхъ вѣдомства императрицы Маріи. Какъ человѣкъ умный, образованный и ловкій, онъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая чрезвычайно милостиво относилась къ нему и по личной просьбѣ которой государь Николай Павловичъ пожаловалъ Жобару, французскому подданному, крестъ св. Владиміра 4-й степени—награду, считавшуюся въ то время особенно почетною для иностранца. Жобару вообще везло на службѣ, и онъ сталъ считать себя лицомъ важнымъ. Но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, судьба измѣнила ему. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, вздумалъ какъ-то посѣтить одинъ изъ институтовъ и попалъ какъ разъ въ классъ Жобара. Французъ очень фамильярно принялъ Уварова, который во время урока сдѣлалъ ему какія-то замѣчанія. Жобаръ, привыкшій считать себя непогрѣшимымъ и твердо вѣруя въ покровительство вдовствующей императрицы, отвѣчалъ министру просвѣщенія очень рѣзко. Это послужило причиною негодованія Уварова на Жобара, который вскорѣ убѣдился, что ему тягаться съ министромъ было невозможно. Его отрѣшили отъ должности преподавателя въ институтахъ. Тутъ Жобаръ вздумалъ сочинять разныя пасквили на Уварова, перевелъ стихотвореніе «Смерть Лукулла» на французскій языкъ и послалъ свое произведеніе самому Уварову. Я помню, между прочимъ, слѣдующіе два стиха, относящіяся до министра и его любовницы:

«....et pour sa chère pouponne
Il volait le bois de la couronne» [1]).

Кромѣ пасквилей въ стихахъ, Жобаръ вздумалъ подавать разныя прошенія на высочайшее имя, въ которыхъ обвинялъ Уварова чуть не въ уголовныхъ преступленіяхъ.

Все это окончилось тѣмъ, что Жобара выслали изъ Петербурга, и онъ появился въ Москвѣ, съ цѣлью, какъ онъ увѣрялъ, помощію московскаго сената добиться справедливости, возстановленія своей чести и увольненія Уварова отъ службы.

---

[1]) У Уварова, какъ разсказывали, была дѣйствительно какая-то любовница, которая, пользуясь протекціею своего высокопоставленнаго содержателя, брала взятки съ подрядчика дровъ на казенныя учебныя заведенія.

Прибывъ въ городъ, гдѣ находились на покоѣ безвредно-недовольные правительствомъ, Жобаръ принятъ былъ ими съ распростертыми объятіями, какъ невинная жертва насилія и произвола.

Солнцевъ и Чаадаевъ въ особенности патронировали Жобару, очутившемуся сразу въ лучшихъ московскихъ салонахъ такъ называемымъ «своимъ».

Но, увы! все это не помогло расходившемуся черезчуръ французу: московскій военный генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ вызвалъ къ себѣ Жобара и объявилъ ему приказаніе немедленно выѣхать изъ Россіи.

Дѣлать было нечего, и Жобаръ, объѣздивши всѣхъ своихъ знакомыхъ съ прощальнымъ визитомъ, покинулъ Москву.

Дѣлая визиты и не заставая многихъ дома, Жобаръ оставлялъ печатныя карточки съ слѣдующей надписью:

Alphonse Jobard,

noble russe, sujet français, et cheval lié [1]) chassé de Russie, par des gendarmes sans jugement [2]). p. p. c.

Эти карточки показывались въ московскомъ англійскомъ клубѣ съ большимъ сочувствіемъ къ высланной изъ Россіи «жертвѣ произвола».

V.

Первая холера въ Москвѣ. — Оффиціальная о ней вѣсть въ нашемъ домѣ. — Консиліумъ докторовъ Эвеніуса, Маркуса, Пфеллера и Гаава.—Дядя мой Коваленскій.— Мѣры противъ холеры.— Предсказанія цыганки и ихъ послѣдствія.— Настойка дѣвицы изъ дворянъ.—Опрыскиваніе и омываніе нашихъ учителей.— Обычные посѣтители отца.—Графъ Н. И. Зотовъ.—Прекращеніе холеры.

Одно изъ самыхъ сильныхъ воспоминаній, рѣзко запечатлѣвшихся въ моей памяти, было, безъ сомнѣнія, воспоминаніе о первой холерѣ въ Москвѣ, въ 1832 году, когда мнѣ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Вѣсть объ оффиціальной холерѣ привезъ домой отецъ мой, отъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, у котораго онъ обѣдалъ въ этотъ день. Такъ какъ мы, дѣти, ложились спать очень рано, а отецъ прямо отъ князя Голицына отправился въ англійскій клубъ, то мы узнали о холерѣ только на другой день, когда пришли, по

[1]) Вмѣсто chevalier.

[2]) Вся соль прощальной визитной карточки заключалась въ послѣднемъ словѣ: «sans jugement», переводимомъ двояко: «безъ суда», или «безсмысленныхъ».

обыкновенію, здороваться къ отцу, во время его утренняго кофе въ 9 часовъ.

Меня, какъ я твердо помню, удивило крайне, что отецъ былъ не одинъ: въ его кабинетѣ сидѣли, только-что пріѣхавшій наканунѣ, дядя мой Илія Михайловичъ Коваленскій (родной братъ моей матери) и доктора Эвеніусъ, Маркусъ, Пфеллеръ и Гаазъ. Мы, по обыкновенію, подошли къ отцу и поцѣловали у него руку. Гувернеръ нашъ, Фесшотъ, отвѣсилъ общій поклонъ присутствующимъ и хотѣлъ уже уходить съ нами въ классную комнату, когда отецъ сказалъ ему: «restez, mon cher, car il faut prendre, par rapport aux enfants, des mesures qui vous regardent».

Фесшотъ тотчасъ сѣлъ, посадивъ меня и брата возлѣ себя.

Какъ теперь помню лицо моего дяди Коваленскаго (человѣка страшно мнительнаго, вѣчно принимавшаго «ассафетиду», въ предупрежденіе какой-то не имѣвшейся у него болѣзни): оно было совсѣмъ желто-синяго цвѣта; его же самого сильно подергивало.

Отецъ мой обратился ко всѣмъ съ слѣдующею рѣчью: «Мнѣ самъ князь Дмитрій Владиміровичъ объявилъ, что холера въ городѣ и что нужно принимать мѣры противъ нея. Нѣкоторые полагаютъ, что холера прилипчива, въ родѣ чумы, а князь не того мнѣнія, но, всетаки убѣжденъ, что слѣдуетъ очень остерегаться. Вы, доктора, и притомъ мои друзья, посовѣтуйте, что нужно дѣлать»?

Гаазъ первый отвѣчалъ на вопросъ отца совѣтомъ: «обратиться прежде всего къ Богу».

Пфеллеръ, Маркусъ и Эвеніусъ предписали поставить во всѣхъ комнатахъ блюдечки съ хлоромъ, курить нѣсколько разъ въ день пивнымъ уксусомъ съ мятой, пить по рюмкѣ водки передъ обѣдомъ и не ѣсть никакихъ сырыхъ овощей и фруктовъ.

Затѣмъ Пфеллеръ (какъ старшій) пощупалъ пульсъ у всѣхъ присутствовавшихъ и объявилъ, что мы всѣ здоровы, за исключеніемъ дяди моего, которому посовѣтовалъ не трусить и придерживаться постоянному своему режиму.

Этотъ совѣтъ произвелъ на дядю крайне неблагопріятное впечатлѣніе, и онъ, вышедши изъ комнаты, тотчасъ же нашелъ нужнымъ слечь въ постель.

Дабы подобный образъ дѣйствія со стороны дяди не показался страннымъ тѣмъ, которые его не знали, скажу нѣсколько словъ объ этомъ чудакѣ.

Отецъ его, а мой дѣдъ по матери, Михаилъ Ивановичъ Коваленскій, былъ замѣчательно умный и ученый человѣкъ, переписывавшійся съ Вольтеромъ и занимавшій, въ послѣдніе годы своей жизни, постъ куратора Московскаго университета (должность, соотвѣтствующая должности нынѣшнихъ университетскихъ попечителей).

Дѣдъ мой заботился очень объ образованіи своего единственнаго сына, и дѣйствительно Илія Михайловичъ получилъ чрезвычайно основательное образованіе, съ рѣдкимъ знаніемъ живыхъ языковъ — англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго. По кончинѣ отца своего, оставившаго ему въ наслѣдство около трехъ тысячъ душъ въ Рязанской губерніи, молодой ученый нашелъ нужнымъ поселиться въ своемъ имѣніи и заняться, какъ онъ утверждалъ, науками.

Науки эти такъ поглотили его [1]), что онъ только изрѣдка являлся въ Москву, и мы узнали по прошествіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, что Илія Михайловичъ женился на своей крѣпостной крестьянкѣ, прижившихъ съ нею безчисленное множество дѣтей.

Послѣ продолжительныхъ переписокъ съ своею сестрою (моею матерью), Илія Михайловичъ явился однажды къ намъ съ своей семьей, былъ принятъ какъ родной, и за симъ изъ году въ годъ пріѣзжалъ къ намъ одинъ, останавливаясь всегда у насъ въ домѣ.

Встрѣтивъ однажды на улицѣ цыганку, Коваленскій, по ея предложенію, подалъ ей руку для гаданія, и та сказала ему, что онъ долженъ заботиться о своемъ здоровьѣ, иначе умретъ внезапно. Съ этой минуты, дядя мой сталъ ежедневно смотрѣть въ зеркалѣ свой языкъ, принимать ассафетиду и совѣтоваться со всѣми докторами, которыхъ онъ встрѣчалъ.

Сказаннаго, кажется, достаточно, для того, чтобы понять, въ какой мѣрѣ слова доктора Пфеллера подѣйствовали на него, и притомъ во время оффиціальнаго объявленія о холерѣ въ Москвѣ.

Въ тотъ же день, во всѣхъ комнатахъ нашего дома, были поставлены тарелки съ хлоромъ, гувернеръ Фешотъ, передъ обѣдомъ, сталъ пить приготовленный дѣвицею изъ дворянъ, Ольгою Алексѣевною Борисовой, ерофеичъ (настойку изъ безчисленнаго множества травъ), а намъ тоже передъ обѣдомъ давали по чайной ложкѣ кюммелю, пополамъ съ водою, что̀ было намъ по вкусу.

Являвшіеся къ намъ на урокъ ежедневно, учители: Куртенеръ (французскаго языка), Зерновъ (математики — онъ былъ впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета), Герингъ (нѣмецкаго языка), Кобрановъ (исторіи и географіи), священникъ Воскресенскій (Закона Божія) и Голицынскій (русскаго языка), прежде чѣмъ входили въ классную комнату, должны были прыскаться уксусомъ и обтирать себѣ руки о-де-колономъ.

Картины, которыя мы ежедневно видѣли изъ оконъ столовой, около часу по полудни, не могли не дѣйствовать на наше дѣтское воображеніе: по улицѣ (Мясницкой) то и дѣло проѣзжали дровни

---

[1]) Онъ втеченіе 60 лѣтъ писалъ исторію Индіи, которая пропала безслѣдно, но за то написалъ очень популярную пѣсню «За долами, за горами, Бонапарте съ плясунами», и т. д.

съ гробами, вмѣщавшими умершихъ холерою; на передкѣ сидѣлъ мужикъ, обернутый въ клеенку, обмазанную дегтемъ; позади дровенъ шли всегда два будочника, тоже въ клеенкахъ. Такова была ежедневная панорама, на которую мы смотрѣли передъ обѣдомъ. Мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ, и я никогда не забуду того сильнаго унынія, которое царило въ нашемъ домѣ, отличавшемся всегда веселымъ настроеніемъ духа.

Хотя обычные посѣтители отца и продолжали ѣздить къ намъ, хотя кн. Волконскій, заикаясь, и старался трунить надъ Солнцевымъ, хотя графъ Николай Ивановичъ Зотовъ[1]) и проповѣдовалъ, что холера болѣзнь не заразительная и прививается только къ тѣмъ, которые вѣруютъ въ нее,—меланхолія царила въ нашемъ домѣ довольно долго. Письма, получаемыя отцемъ и матерью, были всѣ проткнуты иглой и пахли хлоромъ; бюллетени о заболѣвшихъ и умершихъ холерою приносились акуратно два раза въ день и всѣ какъ-то осовѣли. Наконецъ, въ довершеніе холерной паники, къ Ольгѣ Алексѣевнѣ Борисовой пришла въ гости ея сестра, которая умерла скоропостижно въ нашемъ домѣ. Хотя почтенная, 70-ти-лѣтняя дѣвица умерла не отъ холеры, а апоплексическимъ ударомъ, но, всетаки, смерть эта поразила всѣхъ, и даже кн. Волконскій сильно призадумался.

Не помню, сколько времени Москва находилась, по милости холеры, въ осадномъ положеніи; помню только, что въ одно солнечное, веселое утро насъ привели въ обширную нашу столовую, и мы нашли тамъ отца, мать и множество гостей, которые, какъ оказалось, пріѣхали къ намъ на благодарственный молебенъ съ водосвятіемъ, по случаю прекращенія въ Москвѣ холеры.

Служили молебенъ приходскій священникъ Иванъ Ѳедоровичъ Лебедевъ и нашъ законоучитель Александръ Ильичъ Воскресенскій, которые, послѣ молебна, благословили трапезу, т. е. роскош-

---

[1]) Графъ Николай Ивановичъ Зотовъ, послѣдній представитель аристократическаго дома Зотовыхъ, былъ тесть бывшаго любимца государя Николая Павловича, графа (а засимъ князя) Александра Ивановича Чернышева.

Графъ Зотовъ принадлежалъ къ нынѣ выродившейся плеядѣ русско-французскихъ баръ, получавшихъ не только многостороннее образованіе, но и рѣдкое воспитаніе, дававшее имъ возможность понимать людей не только помощію ума, но и помощію сердца. Гр. Николай Ивановичъ нанималъ флигель нашего дома, находившійся на первомъ дворѣ и окруженный великолѣпнымъ садомъ, Зотовъ, какъ и отецъ мой, былъ большой хлѣбосолъ, и старики часто обмѣнивались обѣдами, составлявшими для нихъ весьма серьёзную статью жизни.

Графъ Зотовъ, по смерти отца моего, не взирая на огромную разницу лѣтъ, существовавшую между имъ и мною, обращался со мной какъ съ своимъ пріятелемъ, и у меня до сихъ поръ сохранились его записки ко мнѣ, въ которыхъ обрисовывается его доброе, любящее сердце.

Зотовъ былъ женатъ на княжнѣ Куракиной, дочери единственнаго министра полиціи, который существовалъ въ Россіи. Онъ умеръ въ 1849 году, за границей, отъ окаменѣлости сердца (!!).

ный завтракъ, приготовленный въ другой комнатѣ для гостей, а съ этимъ вмѣстѣ очень долго толковали о томъ, что Богъ былъ милосердъ для нашего дома, избавивъ насъ отъ «моровой язвы», постигшей Москву.

VI.

Лермонтовъ и бабка его Арсеньева. — Характеристика Лермонтова, какъ ребенка. — Жалобы на него бабушки. — Некрасивая наружность Лермонтова. — Его завистливость и влюбчивость. — Мартыновъ и его нравственныя страданія. — М. И. Глинка. — Причины посѣщеній его нашего дома. — Встрѣча моя съ Глинкой въ Петербургѣ. — Меланхолическій характеръ Глинки. — Страсть Глинки къ пѣвчимъ птицамъ. — Именины Кукольника. — Сцена Глинки съ пастухомъ. — Брюловъ. — Шиловская. — Попойка. — Рамазановъ. — Кантата съ экспромтомъ. — Добродушіе Глинки. — Кончина его.

Въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ изрѣдка нашъ домъ, была Арсеньева, бабушка поэта Лермонтова (приходившаяся намъ сродни), которая всегда привозила къ намъ своего внука, когда пріѣзжала изъ деревни, на нѣсколько дней, въ Москву. Пріѣзды эти были весьма рѣдки, но я, всетаки, помню, какъ старушка Арсеньева, обожавшая своего внука, жаловалась постоянно на него моей матери. Дѣйствительно, судя по разсказамъ, этотъ внучекъ-баловень, пользуясь безграничною любовью своей бабушки, съ малыхъ лѣтъ уже превращался въ домашняго тирана, не хотѣлъ никого слушаться, трунилъ надъ всѣми, даже надъ своей бабушкой и пренебрегалъ наставленіями и совѣтами лицъ, заботившихся о его воспитаніи.

Одаренный отъ природы блестящими способностями и рѣдкимъ умомъ, Лермонтовъ любилъ преимущественно проявлять свой умъ, свою находчивость, въ насмѣшкахъ надъ окружающею его средою и колкими, часто очень мѣткими остротами оскорблялъ иногда людей, достойныхъ полнаго вниманія и уваженія.

Съ такимъ характеромъ, съ такими наклонностями, съ такой разнузданностію, онъ вступилъ въ жизнь и, понятно, тотчасъ же нашелъ себѣ множество враговъ.

Онъ, не думая, что говоритъ о себѣ, очень вѣрно опредѣлилъ свой характеръ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

«А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой!»

Въ характерѣ Лермонтова была еще черта далеко не привлекательная — онъ былъ завистливъ. Будучи очень некрасивъ собой, крайне неловокъ и злоязыченъ, онъ, войдя въ возростъ юношескій, когда страсти начинаютъ разыгрываться, не могъ нравиться женщинамъ, а между тѣмъ былъ страшно влюбчивъ. Не-

вниманіе къ нему прелестнаго пола раздражало и оскорбляло его безпредѣльное самолюбіе, что̀ служило поводомъ, съ его стороны, къ безпощадному бичеванію женщинъ.

Какъ поэтъ, Лермонтовъ возвышался до геніальности; но, какъ человѣкъ, онъ былъ мелоченъ и несносенъ.

Эти недостатки и признакъ безразсуднаго упорства въ нихъ были причиною смерти геніальнаго поэта отъ выстрѣла, сдѣланнаго рукою человѣка добраго, сердечнаго, котораго Лермонтовъ довелъ, своими насмѣшками и даже клеветами, почти до сумасшествія.

Мартыновъ, котораго я хорошо зналъ, до конца своей жизни мучился и страдалъ оттого, что былъ виновникомъ смерти Лермонтова, и въ годовщины этого роковаго событія удалялся всегда на нѣсколько недѣль въ какой либо изъ московскихъ монастырей на молитву и покаяніе.

Перехожу отъ Лермонтова къ М. И. Глинкѣ, такъ какъ поэзія и музыка сестры родныя.

М. И. Глинка бывалъ у насъ въ домѣ нѣсколько разъ, по случаю слѣдующихъ обстоятельствъ.

Отецъ мой и мать призрѣли двухъ круглыхъ малолѣтныхъ сиротъ, дѣвочекъ Дарью и Екатерину Пановыхъ. Онѣ были отданы на воспитаніе, на счетъ отца, въ Екатерининскій институтъ. По окончаніи ученія въ институтѣ, обѣ дѣвочки возвратились въ нашъ домъ. Младшая изъ нихъ была замѣчательной красоты. Братъ М. И. Глинки (не помню—родной, или двоюродный, но тоже Глинка) увидалъ Екатерину Панову въ церкви, влюбился въ нее и явился къ намъ въ домъ, прося руки бѣдной сироты. Вскорѣ состоялась свадьба, и Глинка увезъ свою красавицу-жену въ Рязанскую губернію, гдѣ онъ, въ какомъ-то уѣздномъ городѣ, служилъ городничимъ.

По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, оказалось, что Глинка женился на сиротѣ, будучи уже женатъ, и что настоящая его жена требовала уничтоженія незаконнаго его вторичнаго брака. Несчастная Екатерина Ивановна возвратилась къ намъ въ домъ, и Михаилъ Ивановичъ Глинка, проѣздомъ черезъ Москву, всегда посѣщалъ невинную жертву своего брата, привозя ей постоянно разные подарки. Это продолжалось до самой смерти Екатерины Ивановны, которая отъ горя зачахла.

Отецъ и мать полюбили Михаила Ивановича, который иногда садился за фортепіано, чѣмъ доставлялъ большое удовольствіе старику-отцу, страшно любившему музыку.

Съ 1833—1834 года я не видѣлъ больше Михаила Ивановича и встрѣтился съ нимъ только въ 1848 году, по переѣздѣ моемъ на постоянное жительство въ Петербургъ, у Нестора Васильевича Ку-

кольника. Глинка очень радъ былъ видѣть меня, вспомнилъ о радушіи и гостепріимствѣ покойнаго отца и сталъ изрѣдка посѣщать меня. Ко мнѣ собирался иногда кружокъ лицъ, принадлежавшихъ къ музыкальному и театральному міру, и послѣ обѣда нерѣдко гости оставались до слѣдующаго утра.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, какъ я слышалъ отъ него неоднократно, въ малолѣтствѣ скорбѣлъ отъ невниманія къ нему родителей,—и въ особенности отца,—которые предпочитали ему другихъ своихъ дѣтей. Это невниманіе породило въ немъ сосредоточенность и уничтожило столь свойственную дѣтскому возросту сообщительность. Будучи ребенкомъ, онъ страстно любилъ пѣвчихъ-птицъ и лѣтомъ, раннимъ утромъ, ходилъ въ садъ, чтобы ихъ послушать. Любимой птичкой Глинки была пѣночка.

— Вотъ истинная-то поэзія!—говорилъ Михаилъ Ивановичъ: — какая задушевность, какая грусть, какая дивная, мелодическая фраза!

Птички пристрастили Глинку къ звукамъ, къ музыкѣ. Съ большимъ трудомъ усвоилъ себѣ Михаилъ Ивановичъ теорію музыки; много разъ, какъ увѣрялъ онъ, ему приходилось сомнѣваться въ своихъ музыкальныхъ способностяхъ; но мощь и геніальность таланта превозмогли упорство непонятливостью, и Глинка остался побѣдителемъ музыкальныхъ формъ и рутины. Въ началѣ своего музыкальнаго развитія, Михаилъ Ивановичъ пристрастился къ произведеніямъ Бортнянскаго, котораго признавалъ геніемъ.

Глинка увлекался иногда какъ ребенокъ. Мнѣ случилось однажды видѣть, какъ онъ плакалъ, слушая на Кушелевкѣ какого-то пастуха, игравшаго на свирѣли. Это было у Нестора Васильевича Кукольника, жившаго тогда на дачѣ въ Кушелевкѣ. Кукольникъ тоже былъ иногда не прочь прослезиться и сталъ хныкать. Тогда бывшій тутъ Брюловъ не вытерпѣлъ и закричалъ: «Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, не закусивши порядкомъ, не заложившись винной влагой, а ужъ нюните»!

Какъ теперь помню, Глинка обнялъ и расцѣловалъ пастуха, далъ ему какую-то монету, отеръ слезы и сказалъ: «Дѣйствительно глупо, но ужъ у меня натуришка такая пошлая— все тянетъ въ грусть».

Кукольникъ праздновалъ въ этотъ день (8-го іюня) свои именины. Къ нему пріѣхала, по просьбѣ Глинки, извѣстная въ то время своимъ великолѣпнымъ, задушевнымъ голосомъ, М. В. Шиловская (рожденная Вердеревская), которая, послѣ обѣда, по желанію Михаила Ивановича, подъ его аккомпанементъ, спѣла романсъ его «Уймитесь, волненія страсти».

Исполненіе оказалось дѣйствительно неподражаемымъ. Глинка, по окончаніи Шиловской романса, всталъ передъ нею на колѣни и со слезами благодарилъ ее; она, въ свою очередь, стала на колѣни,

и они расцѣловались самымъ дружескимъ, самымъ задушевнымъ образомъ.

По отъѣздѣ Шиловской, началась сильная попойка, такъ что жена Кукольника, Амалія Ивановна, вмѣсто ватрушекъ, которыя замѣчательно пекла сама и которыя особенно любилъ Брюловъ, принесла ему малороссійскаго сала, отъ котораго Брюлова всегда тошнило.

Кукольникъ былъ также недурной музыкантъ, и время проходило въ попойкѣ, подъ акомпанементъ фортепіано. Рамазановъ (извѣстный скульпторъ) пародировалъ очень забавно итальянскія оперы и тогдашнихъ итальянскихъ пѣвцовъ, Брюловъ ходилъ въ это время пѣтухомъ по комнатѣ, Глинка отъ времени до времени садился за фортепіано и хриплымъ голосомъ пѣлъ разные романсы, бо́льшею частію Варламовскіе, которые онъ находилъ лучшими изъ всѣхъ; Кукольникъ при этомъ, подъ вліяніемъ трехъ или четырехъ бутылокъ выпитаго имъ краснаго вина, плакалъ и твердилъ то и дѣло одну и ту же фразу: «Хорошо, ребята, душѣ, хорошо сердцу»!

Празднованіе именинъ Кукольника перешло и на слѣдующій день, такъ что компанія разъѣхалась окончательно только на третьи сутки.

Ночью втораго дня оказался положительный недостатокъ въ винѣ и водкѣ; посылали въ единственный въ то время въ Кушелевкѣ погребъ: оказалось, что все вино въ погребѣ истощилось, благодаря именинамъ Кукольника. Стали, съ горя, пѣть извѣстную кантату объ Аристотелѣ, Кесарѣ и Помпеѣ. Тутъ, хозяинъ экспромтомъ, не взирая на то, что былъ «еле можахомъ», пропѣлъ слѣдующій сочиненный имъ куплетъ:

«Дача Безбородки —
Подлая земля:
Ни вина, ни водки,
Въ ней найдти нельзя!»

Успѣхъ экспромта былъ колоссаленъ: Рамазановъ заставилъ Глинку играть «Камаринскую» и пустился плясать въ присядку; Кукольникъ вздумалъ дѣлать то же, но тотчасъ же упалъ, и мы подняли его съ большимъ трудомъ (онъ былъ какъ пень грузенъ), чтобы положить на диванъ. Но, слава Богу, все обошлось благополучно, за исключеніемъ нѣсколькихъ синяковъ, вслѣдствіе которыхъ почтенный Несторъ Васильевичъ не могъ отправиться, по обязанностямъ службы, къ военному министру.

Глинка очень любилъ подобнаго рода сборища: они заставляли его забывать обычное меланхолическое настроеніе духа, почти никогда его не покидавшее.

Замѣчательно скромный, добрый, сердечный, Михаилъ Ивановичъ относился всегда чрезвычайно снисходительно и даже сочувственно къ нарождающимся молодымъ музыкальнымъ талантамъ.

Глинка, не взирая на свою геніальность, признанную при жизни его всѣми сколько нибудь понимающими музыку и ея значеніе, не смотря на сильную протекцію государя Николая Павловича, которому былъ представленъ графомъ Віельгорскимъ, — часто нуждался въ деньгахъ и умеръ нуждающимся труженикомъ.

VII.

Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.—Его сумасшествіе.—Назначеніе моего отца опекуномъ надъ нимъ.—Сестра Мамонова, графиня Марія Александровна.—Ея отношеніе къ брату.—Полкъ, сформированный Мамоновымъ въ 1812 году.—Курьёзные указы Мамонова.—Опись его бумагъ.—Отношеніе къ нему императора Николая Павловича.—Назначеніе къ Мамонову опекуншей сестры его.—Отказъ моего отца отъ опеки.—Кончина Мамонова.

Кто не зналъ въ Москвѣ сумасшедшаго графа Дмитріева-Мамонова, а если не зналъ, то кто не слыхалъ о немъ? Втеченіе 35—40 лѣтъ, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ жилъ въ первопрестольной, одержимый страшнымъ душевнымъ недугомъ,—зимой въ своемъ домѣ на Покровскомъ бульварѣ, а лѣтомъ въ подмосковскомъ богатомъ имѣніи своемъ, селѣ Дубровицахъ.

Я съ малыхъ лѣтъ слышалъ много разсказовъ о графѣ Мамоновѣ, такъ какъ покойный отецъ мой, находясь съ нимъ въ родствѣ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1825 году, былъ назначенъ опекуномъ Мамонова, вмѣстѣ съ другимъ его родственникомъ, Сергѣемъ Павловичемъ Фонвизинымъ.

Графъ Мамоновъ былъ сынъ любимца императрицы Екатерины II, генералъ-адъютанта графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова, происходившаго отъ знаменитаго рода русскихъ бояръ, потомковъ Владиміра Мономаха.

Графъ Александръ Матвѣевичъ, влюбившись въ княжну Щербатову, женился на ней противъ желанія императрицы и уѣхалъ въ Москву, никого не извѣстивъ о своемъ отъѣздѣ. Этотъ поступокъ Мамонова крайне огорчилъ императрицу, которая, однако же, не взирая на крайне нелестные отзывы о бывшемъ своемъ любимцѣ, данные княземъ Потемкинымъ [1]), переписывалась съ нимъ и посылала ему разные подарки.

Графъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, живя въ Москвѣ, посвятилъ себя воспитанію сына, который съ малыхъ лѣтъ пристрастился къ чтенію историческихъ книгъ.

Молодому Мамонову открыта была самая блестящая карьера: онъ былъ знатенъ, богатъ, уменъ и красавецъ собой; при этомъ обладалъ неимовѣрной физической силой.

---

[1]) Письма Потемкина къ Екатеринѣ о Мамоновѣ были напечатаны въ № 12 журнала «Русскій Архивъ» за 1865 годъ.

Женщины не могли равнодушно смотрѣть на него, а мужчины гордились его знакомствомъ. Онъ поступилъ на службу въ Конно-гвардейскій полкъ и замѣчательно быстро дослужился до чина генералъ-маіора.

Казалось, что этому баловню природы предстояла самая счастливая жизнь, но судьба рѣшила иначе: послѣ сильныхъ нравственныхъ страданій, отъ неудовлетвореннаго честолюбія и самолюбія, послѣ постоянныхъ мелкихъ непріятностей и ссоръ съ родною сестрою, графинею Марьей Александровной Мамоновой, имъ овладѣла жестокая душевная болѣзнь, не оставившая его до самой могилы, втеченіе болѣе 30-ти лѣтъ.

Считаю необходимымъ обрисовать личность сестры графа Мамонова, дѣвицы графини Марьи Александровны, бывшей фрейлины императрицы Елисаветы Алексѣевны.

На сколько братъ ея былъ благороденъ, щедръ и уменъ, на столько она была фальшива, скупа и ограниченна. Не взирая на высокое положеніе свое, она выбирала себѣ въ фавориты людей самаго дурнаго общества, сутягъ, искателей приключеній и легкой наживы, которые старались всячески заставить ее вымогать отъ брата возможно больше денегъ. Эти вымогательства не имѣли уже никакихъ предѣловъ, когда графиня растратила на свои легкія похожденія почти все свое огромное состояніе.

Изъ слѣдующихъ двухъ писемъ графа Мамонова къ отцу моему видны отношенія его къ сестрѣ и характеръ послѣдней.

«Милостивый государь

«Александръ Александровичъ.

«Изъ почтеннѣйшаго письма вашего превосходительства не могъ я узнать, чего именно требуетъ уполномоченный графини Марьи Александровны. Мнѣ остается повторить, что я готовъ исполнять ея волю, лишь бы скорѣе кончить возникшіе между нами споры; я готовъ, говорю, уступить ей и другое имѣніе, кромѣ Кучкаева, ибо некорыстолюбивому и доброму человѣку всегда приходится уступать корыстолюбію и злобѣ.

«Съ полною и неограниченною довѣренностію поручаю вашему превосходительству жребій мой по сему дѣлу. Мнѣ уже и то пріятно, что моими повѣренными ваше превосходительство, сенаторъ и ближній мой свойственникъ, а Марья Александровна присылаетъ на конференціи съ вами стараго приказнаго враля, какъ вы сами его называть изволите.

«Съ отличнѣйшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть,

«милостивый государь,

«вашего превосходительства

«покорнѣйшій слуга

«графъ Дмитріевъ-Мамоновъ».

«8-го сентября
«1823 года».

«Милостивый государь
«Александръ Александровичъ!

«У меня не достаетъ словъ къ изъясненію вашему превосходительству моей благодарности за милостивое участіе и посредничество ваше (въ извѣстномъ дѣлѣ), теперь успѣхомъ увѣнчанное.

«Меня наставилъ мой добрый геній адресоваться къ вамъ, а то бы Марья Александровна, можетъ быть, не такъ поступила подъ руководствомъ другихъ людей.

«Поручая себя въ лестное для меня благорасположеніе ваше, съ отличными почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть
«вашего превосходительства
«покорнѣйшимъ слугою
«графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ».

«Мая 14-го дня».

Оставивъ службу, графъ В. А. Мамоновъ поселился въ Москвѣ и всецѣло предался изученію исторіи и философіи, а за симъ месмеризму.

Безпредѣльно щедрый, сострадательный, вельможа до мозговъ костей, Мамоновъ положительно бросалъ деньги, «желая (какъ онъ выражался) помогать людямъ не временно, а возобновлять ихъ жизнь, дѣлая изъ несчастныхъ—счастливцевъ».

Не взирая, однако, на то, что графъ Мамоновъ потратилъ на возобновленіе десятковъ жизней сотни тысячъ, состояніе его было до такой степени громадно, что онъ оставилъ его наслѣдникамъ своимъ почти неприкосновеннымъ.

Во время Отечественной войны 1812 года, Мамоновъ снарядилъ на свой счетъ цѣлый полкъ, который впродолженіе всей кампаніи содержалъ безъ малѣйшей помощи со стороны казны и притомъ даже роскошно.

Покойный отецъ мой, который въ 1812 году былъ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, разсказывалъ, что полкъ Мамонова былъ замѣчательно щегольски обмундированъ, имѣлъ двѣ смѣны одежды для солдатъ и неимовѣрное количество бѣлья, часть котораго была оставлена на мѣстѣ, такъ какъ невозможно было полку взять его съ собою.

Въ 1824 году, окружающіе графа Мамонова стали замѣчать за нимъ частые припадки меланхоліи, въ особенности послѣ полученія имъ писемъ отъ сестры, не оставлявшей его въ покоѣ требованіями денегъ и подарковъ. Послѣ припадковъ онъ входилъ въ бѣшенство и предавался разнымъ неистовствамъ: билъ все, что ему попадалось подъ руку, рвалъ въ клочки ассигнаціи, бросалъ деньги за окно и писалъ какіе-то «указы», содержаніе которыхъ, большею частію, заключалось въ томъ, чтобы такого-то наказать плетьми, того-то кнутомъ, а иного отправить въ Сибирь, въ каторжныя работы. Указы эти подписывались имъ «Владиміръ Мономахъ».

При описи имущества и бумагъ Мамонова было найдено нѣсколько подобныхъ указовъ, а также и въ бумагахъ Мамонова, присланныхъ московскому военному генералъ-губернатору военнымъ министромъ, которыя были препровождены къ отцу моему княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ.

Самая опись бумагъ требовала большихъ формальностей, что̀ доказываетъ слѣдующее письмо князя Голицына къ моему отцу

«Секретно.

«Милостивый государь мой

«Александръ Александровичъ.

«По свѣдѣнію, полученному отъ вашего превосходительства о предстоящей описи имущества графа Дмитріева-Мамонова, по ввѣренному вамъ съ г. Фонвизинымъ надъ нимъ опекунству обязанъ будучи по обстоятельствамъ разсмотрѣть принадлежащія ему бумаги, прошу покорно васъ, милостивый государь мой, приглашая къ сему и г. Фонвизина, по распечатаніи законнымъ порядкомъ въ селѣ Дубровицахъ дома графа Дмитріева-Мамонова, всѣ бумаги, принадлежащія лицу его, которыя окажутся гдѣ бы то ни было въ прежде занимаемыхъ имъ комнатахъ, и даже въ собственной его шкатулѣ, собрать при посредствѣ посылаемаго мною съ вашимъ превосходительствомъ чиновника особыхъ моихъ порученій, статскаго совѣтника Кочубея, которому и благоволите ввѣрить всѣ найденныя бумаги, за общими печатьми вашими, для надлежащаго ко мнѣ доставленія.

«Командируя при васъ г. Кочубея, болѣе въ обезпеченіе отвѣтственности вашего превосходительства и г. Фонвизина, по сему дѣлу въ отношеніи къ опекѣ, я ласкаюсь, что по немедленномъ распоряженіи предложеніе мое выполнить изволите съ должнымъ розысканіемъ и въ самомъ скорѣйшемъ времени; способствуя чему, доставляю при семъ подольскому земскому исправнику предписаніе, дабы по первому требованію вашему съ нужными изъ уѣзда чиновниками явился въ село Дубровицы, для надлежащаго вашему превосходительству по сему предмету содѣйствію.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть,

«милостивый государь мой,

«вашего превосходительства

«покорный слуга

«князь Дмитрій Голицынъ».

«№ 23.

«Января 3-го дня 1826 года,

«Москва».

Нельзя не указать на сердечное вниманіе, съ которымъ относился императоръ Николай къ болѣзненному положенію Мамонова. Это доказываетъ слѣдующее письмо князя Д. В. Голицына къ отцу моему:

«Милостивый государь мой
«Александръ Александровичъ!

«Какъ при учрежденіи опеки надъ графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ послѣдовала высочайшая воля государя императора, между прочимъ, и въ томъ, чтобы гг. опекуны употребили особенное попеченіе къ пользованію графа въ настоящемъ его положеніи, то я съ своей стороны совершенно согласенъ на тѣ мѣры, какія вашимъ превосходительствомъ и господами медиками къ лѣченію его будутъ приняты, и тѣмъ болѣе, что вы, милостивый государь мой, сколько по родственному расположенію, столько и по чувству состраданія къ бѣдственному положенію графа, не оставите употребить съ своей стороны всѣ средства къ облегченію настоящей его участи, будучи притомъ увѣренъ, что прочіе гг. опекуны сдѣланными вами распоряженіями останутся довольны; почему до полученія указа изъ дворянской опеки о назначеніи васъ опекуномъ я разрѣшаю приступить къ лѣченію графа и дѣлать нужные на сіе расходы.

«Съ совершеннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть

«вашего превосходительства
«покорнымъ слугою,
«князь Дмитрій Голицынъ».

«№ 4,971.
«12-го ноября».

Не взирая на болѣзнь брата, графиня Мамонова не переставала безпокоить его чрезъ посредство разныхъ лицъ, такъ какъ переписка съ братомъ не могла имѣть смысла помимо опекуновъ. Она, впрочемъ, добилась быть опекуншей надъ своимъ братомъ вмѣстѣ съ другими опекунами, въ 1826 году [1]).

---

[1]) Вотъ письмо князя Голицына къ отцу моему, сообщающее о назначеніи графини Мамоновой опекуншей надъ братомъ, совокупно съ прочими опекунами:

«Милостивый государь мой
«Александръ Александровичъ!

«Господинъ министръ юстиціи увѣдомилъ меня, что его императорское величество по всеподданнѣйшему прошенію дочери генералъ-адъютанта, дѣвицы графини Дмитріевой-Мамоновой, высочайше повелѣть соизволилъ дозволить ей быть опекуншею надъ имѣніемъ брата ея генералъ-маіора графа Дмитріева-Мамонова, совокупно съ прочими означенными отъ правительства опекунами, о каковомъ высочайшемъ повелѣніи объявлено уже по порядку правительствующему сенату.

«Нужнымъ считая сообщить о томъ вашему превосходительству, для доведенія до свѣдѣнія прочихъ опекуновъ о сдѣланномъ распоряженіи по сему предмету, имѣю честь быть

«вашего превосходительства
«покорнымъ слугою,
«князь Дмитрій Голицынъ».

«№ 1,367.
«18-го марта 1826 года».

Вотъ, между прочимъ, письмо ея къ моему отцу, которое обрисовываетъ ея характеръ и желаніе сдѣлать экономію въ свою пользу, такъ какъ она ожидала скорой смерти своего брата, а слѣдовательно и его наслѣдства:

«Милостивый государь

«Александръ Александровичъ.

«Отъ 26-го минувшаго апрѣля извѣщала я ваше превосходительство, что отъѣздомъ моимъ въ Москву я совсѣмъ была готова и точно имѣла бы честь давно бесѣдовать съ вами по дѣламъ опеки, но неожиданный случай—кончина августѣйшей государыни Елисаветы Алексѣевны, отъ сего пути меня остановила, и до самыхъ похоронъ священнаго тѣла ея мнѣ какъ члену Патріотическаго Общества назначено остаться въ С.-Петербургѣ, послѣ чего, нимало не медля, я увижусь съ вами.

«Между тѣмъ, занимаясь доставленными отъ васъ бумагами, замѣтила въ нихъ, что, по предположенію гг. докторовъ, на лѣтнее время слѣдуетъ для больнаго нанять домъ съ садомъ, что̀ и я нахожу хорошимъ средствомъ къ поправленію здоровья его; домъ мой, что̀ на Тверской, имѣетъ при себѣ обширный садъ, и всякое спокойствіе для больнаго въ немъ устроить возможно. Я прошу ваше превосходительство принять трудъ вмѣстѣ съ гг. медиками свидѣтельствовать оный, и ежели домъ и садъ по предположенію врачей окажутся способными, то на временное пребываніе брата моего я охотно уступаю, вмѣсто же найма цѣлаго дома съ садомъ, сумму, на то предположенную, можно употребить въ распоряженіяхъ по моему дому, что̀ безотлагательно извольте приказать исполнить. Ежели же, чего я не ожидаю, домъ мой по свидѣтельству медиковъ окажется для больнаго неспособнымъ, то я согласна буду съ вами о наймѣ другаго выгоднаго; на случай же пребыванія моего въ Москвѣ, когда мой домъ останется за братомъ, я могу занять нѣсколько комнатъ въ домѣ его. О всемъ же послѣдующемъ буду ожидать вашего увѣдомленія, пребывая къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію.

«Вашего превосходительства

«милостиваго государя

«покорная къ услугамъ

«графиня Дмитріева-Мамонова».

«Мая 20 дня, 1826 года».

Графинѣ Мамоновой не удалось, однако же, сдѣлаться наслѣдницей своего брата: она умерла прежде него.

Для пользованія графа Мамонова, само собою разумѣется, не щадили никакихъ средствъ: надзоръ за нимъ былъ постоянный и самый внимательный; его пользовали московскія знаменитости,

профессора Маркусъ и Эвеніусъ, которые обязаны были ежедневно сообщать моему отцу о состояніи здоровья графа Мамонова. На сколько память не измѣняетъ мнѣ, говорили, что иногда (очень рѣдко) онъ разсуждалъ здраво, втеченіе получаса, не болѣе, а затѣмъ углублялся въ свои думы и начиналъ отдавать приказанія о наказаніи и ссылкѣ разныхъ лицъ, болѣе или менѣе для него непріятныхъ.

Отецъ мой, не смотря на настоянія князя Д. В. Голицына и С. П. Фонвизина, сложилъ съ себя званіе опекуна надъ Мамоновымъ, такъ какъ графиня Марья Александровна слишкомъ часто и назойливо стала проявлять свои корыстныя цѣли на имѣніе брата. Въ 1826 году, отецъ передалъ опеку бывшему московскому почтдиректору (впослѣдствіи сенатору), Александру Яковлевичу Булгакову, который тоже не могъ долго вынести милой княжны и ея подпольныхъ подвиговъ.

Смерть постигла Мамонова, какъ мнѣ говорили, неожиданно: онъ шелъ изъ своей спальни въ библіотеку, упалъ и моментально умеръ, пораженный ударомъ паралича.

Въ бумагахъ покойнаго Мамонова и отца его, безъ сомнѣнія, находятся много интересныхъ и историческихъ документовъ временъ императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича. Мнѣ не случалось, однако же, встрѣчать въ историческихъ сборникахъ никакихъ свѣдѣній объ этихъ бумагахъ. Документы, которые были описаны, когда была учреждена опека надъ сумасшедшимъ Мамоновымъ, не могли погибнуть безслѣдно, такъ какъ храненіе ихъ подлежало оффиціальному контролю.

И. А. Арсеньевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЛОВО ЖИВОЕ О НЕЖИВЫХЪ [1].

(Изъ моихъ воспоминаній).

VIII.

Николай Ивановичъ Надеждинъ. — Знакомство его съ моимъ отцомъ.— Частыя его посѣщенія.—Его совѣтъ относительно нашихъ уроковъ.—Переводъ мною повѣсти Гофмана. — Привязанность моя къ Надеждину. — Впечатлѣніе, произведенное на меня его ссылкою въ Усть-Сысольскъ.—Возобновленіе знакомства моего съ Надеждинымъ въ Петербургѣ.—Необычайный даръ слова Надеждина. — Поступленіе его на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ.—Николай Филиппповичъ Павловъ.—Покровительство Павлова Кокошкинымъ.—Павловъ на казенной сценѣ. — Поступленіе его въ университетъ. — Служебная его дѣятельность при московскомъ генералъ-губернаторѣ. — Его литературная дѣятельность. — Три повѣсти. — Біографія Эванса. — «Чиновникъ» Сологуба. — Павловъ какъ журналистъ. — Его кончина.

ВЪ 1833—1834 ГОДУ, Чаадаевъ привезъ къ моему отцу Николая Ивановича Надеждина, который пришелся по душѣ старику и сталъ насъ посѣщать довольно часто, хотя видимо дичился общества.

Надеждинъ, заходившій иногда въ нашу классную комнату, во время уроковъ, обратилъ вниманіе отца на то, что, по его мнѣнію, мы слишкомъ много занимаемся иностранными языками, въ ущербъ языку русскому, и совѣтовалъ усилить для насъ уроки отечественной словесности. Отецъ поблагодарилъ Надеждина и сдѣлалъ распоряженіе по его совѣту.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVII, стр. 343.

Николаю Ивановичу я понравился какъ мальчикъ довольно прилежный и онъ особенно любовно относился къ моимъ успѣхамъ въ русскомъ языкѣ. Однажды, онъ мнѣ принесъ разсказы Гоффмана и далъ мнѣ перевести «Выборъ невѣсты» съ нѣмецкаго подлинника. Я былъ въ восторгѣ отъ этого вниманія ко мнѣ Надеждина и принялся усердно за переводъ. Чрезъ нѣсколько времени, Николай Ивановичъ принесъ мнѣ книжку «52 повѣсти», имъ изданную, въ которой я нашелъ мой переводъ. Естественно, что онъ самъ исправилъ и проредактировалъ мою дѣскую работу, но я, одно время, то и дѣло, что любовался на свое твореніе и сталъ себя считать чѣмъ-то въ родѣ литератора.

Съ этой минуты я въ Надеждинѣ души не чаялъ и во время его посѣщенія не отходилъ отъ него. Странно сказать, что исторія съ Надеждинымъ и ссылка его въ Усть-Сысольскъ произвела на менѣе удручающее впечатлѣніе, не взирая на мои юныя лѣта. Я не спалъ нѣсколько ночей и возненавидѣлъ виновника несчастья, постигшаго Николая Ивановича, Петра Яковлевича Чаадаева, не скрывая моихъ чувствъ отъ послѣдняго.

Надеждина я увидѣлъ послѣ этого въ 1843 году, въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Петербургъ, когда онъ былъ на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и занимался изученіемъ скопческой ереси и разработкой матеріаловъ, относящихся до этой секты. Я прислалъ изъ Москвы Николаю Ивановичу нѣсколько рукописныхъ варіантовъ на скопческія пѣсни, которыя пріобрѣлъ у Сухаревой башни, на толкучкѣ.

Даръ слова и даръ убѣжденія у Надеждина были необычайны: анализъ его можно было сравнить съ силою остраго ножа, безпощадно уничтожившаго гнилые наросты, не дающіе видѣть настоящую суть предмета, подлежащаго изслѣдованію и обсужденію.

Перовскій, какъ извѣстно, чрезвычайно цѣнилъ и уважалъ Надеждина, который, въ свое время, имѣлъ громадное вліяніе на измѣненіе долго существовавшаго фальшиваго взгляда на раскольническія секты въ Россіи, — взгляда, много повредившаго уничтоженію раскола въ нашемъ отечествѣ.

Отъ Надеждина перехожу къ Николаю Филипповичу Павлову (тоже привезенному въ нашъ домъ Чаадаевымъ), съ которымъ я хорошо сошелся въ 1841—1842 году и остался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ до самой кончины его.

Николай Филипповичъ Павловъ получилъ первоначальное воспитаніе въ театральномъ училищѣ. Бывшій въ то время директоромъ московскихъ театровъ, Кокошкинъ, особенно полюбилъ Павлова, отличавшагося какъ своей пріятной наружностію, такъ и рѣдкими способностями. Очень часто, по праздникамъ, Кокошкинъ бралъ Павлова къ себѣ въ домъ и, наконецъ (какъ разсказывалъ мнѣ самъ Николай Филипповичъ), требовалъ, чтобы молодой че-

ловѣкъ неотлучно находился въ гостинной, когда у Кокошкина были званые обѣды и вечера. Такимъ образомъ, Павловъ, съ юныхъ лѣтъ, усвоилъ себѣ тѣ изящныя, внѣшнія формы и ту художественную отдѣлку живаго слова, которою отличался всегда разговоръ его.

Первоначально, какъ доказываетъ и мѣсто воспитанія Павлова, онъ предназначалъ себя театральной карьерѣ; даже разъ, или два являлся на сценѣ, въ роли Сеида (въ Вольтеровскомъ «Магометѣ»); но страсть учиться и заниматься литературой, потребность и желаніе пріобрѣсти возможно полное образованіе, заставили его идти по иной дорогѣ, болѣе соотвѣтствующей его многостороннему, свѣтлому уму. Онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по юридическому факультету, называвшемуся въ то время этико-политическимъ.

Родные и знакомые уговаривали Николая Филипповича Павлова поступить непремѣнно на государственную службу, что̀ онъ и сдѣлалъ; но однообразныя служебныя обязанности (въ надворномъ судѣ) скоро ему надоѣли, и онъ вышелъ въ отставку съ намѣреніемъ никогда больше не служить.

Вѣроятно, Павловъ никогда бы и не поступилъ вновь на службу, если бы въ 1841—1842 годахъ, бывшему въ то время въ Москвѣ военному генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, не пришла мысль учредить родъ адвокатуры, или ходатайства по дѣламъ арестантовъ, содержащихся при полицейскихъ частяхъ города, во временной (долговой) тюрьмѣ, въ тюремномъ и пересыльномъ замкахъ.

Обязанность эту князь Голицынъ пожелалъ возложить на людей образованныхъ, не зараженныхъ рутиннымъ бюрократизмомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на столько понимающихъ дѣло, что мнѣніе ихъ можно было принять основаніемъ для освобожденія арестантовъ, или отдачи ихъ на поруки, если, по разсмотрѣніи слѣдствія и даже, въ крайнихъ случаяхъ, представленнаго въ присутственное мѣсто (кромѣ правительствующаго сената) дѣла, находилась къ тому законная возможность.

Чрезъ посредство Александра Ивановича Тургенева, Николаю Филипповичу предложено было княземъ Голицынымъ принять на себя ходатайства по дѣламъ арестантовъ, содержащихся въ тюремномъ замкѣ, временной тюрьмѣ и при частяхъ города.

Съ свойственною ему пылкостью юноши, Павловъ принялъ на себя безвозмездно исправленіе этой должности и поступилъ въ число чиновниковъ особыхъ порученій при военномъ генералъ-губернаторѣ.

Всѣ доклады, которые были составляемы Павловымъ на защиту арестантовъ, съ цѣлью облегчить ихъ участь, или вовсе освободить, кромѣ того, что выходили всецѣло изъ общей колеи казен-

ныхъ, форменныхъ бумагъ, доказывали такое основательное знаніе законовъ, такое свѣтлое пониманіе существа дѣлъ, такую логическую послѣдовательность въ заключеніяхъ, что записки Николая Филипповича на расхватъ читались, какъ образцовыя юридическія произведенія.

Въ это время я коротко ознакомился съ дѣятельностью Павлова, потому что, въ свою очередь, какъ служившему при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, мнѣ досталась въ удѣлъ обязанность ходатайства по дѣламъ арестантовъ.

По смерти князя Д. В. Голицына, Павловъ недолго оставался на службѣ, вышелъ въ отставку и болѣе уже не служилъ до самой кончины своей.

Я упомянулъ здѣсь о кратковременной служебной дѣятельности Павлова для того только, чтобы указать, что дѣятельность его, въ какой бы сферѣ она ни проявлялась, всегда носила на себѣ тотъ отпечатокъ даровитости, который составлялъ исключительную принадлежность его замѣчательныхъ способностей.

Николай Филипповичъ, будучи еще юношей, сильно пристрастился къ поэзіи; онъ былъ поэтъ по призванію. Поэтическая натура его отразилась во всѣхъ его литературныхъ произведеніяхъ. Слогъ его отличается той изящной, художественной отдѣлкой, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время вовсе исчезаетъ и составляетъ принадлежность очень немногихъ современныхъ русскихъ писателей, даже беллетристовъ. Но, кромѣ этого, во всемъ, что написалъ Павловъ, вы видите или самую тонкую, язвительную (но всегда благородную) сатиру, или облеченный въ поэтическую, изящную форму разсказъ, или глубокое, логическое изслѣдованіе предмета, подлежавшаго его разсмотрѣнію. Ни въ одной статьѣ Павлова вы не встрѣтите и тѣни неприличныхъ выраженій.

Въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, Павловъ, читая произведенія иностранныхъ драматическихъ писателей, вздумалъ переводить ихъ для нашей сцены. Въ числѣ удачныхъ его переводовъ можно указать на трагедію Лемерсье «Марія Стюартъ» и на «Венеціанскаго купца» Шекспира. Но дѣятельность переводчика не удовлетворяла его, и онъ написалъ нѣсколько оригинальныхъ пьесъ, которыя въ свое время имѣли большой успѣхъ. Его водевили производили положительный фуроръ въ 30-хъ годахъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, и Павловъ пріобрѣлъ искреннее уваженіе и сочувствіе въ тѣсномъ кружкѣ тогдашнихъ литераторовъ, въ числѣ которыхъ былъ князь П. А. Вяземскій, съ которымъ Павловъ оставался въ тѣсной дружбѣ до конца жизни.

Стихи, эпиграммы, романсы Павлова знали всѣ наизусть, они служили въ свое время предметомъ общихъ разговоровъ; но имя его сдѣлалось извѣстнымъ во всей Россіи въ 1835 году, когда вышли въ свѣтъ его первыя «Три повѣсти» (Балъ, Именины и

Ятаганъ). Въ нихъ талантъ Павлова и своеобразность его слога не могли не обратить вниманія всѣхъ, кто сколько нибудь слѣдилъ за русской литературой. Повѣсти эти вскорѣ сдѣлались даже извѣстны за границей и были переведены на французскій и нѣмецкій языки.

Въ то же время, Николай Филипповичъ принималъ участіе въ издававшемся въ Москвѣ (Андросовымъ и Шевыревымъ) «Наблюдателѣ» Въ 1839 году, онъ написалъ еще три повѣсти «Маскарадъ», «Демонъ» и «Милліонъ», которыя, какъ и первыя, были умно задуманы и заключали въ себѣ неотъемлемыя литературныя достоинства. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ быстрая распродажа этихъ двухъ изданій, составляющихъ нынѣ библіографическую рѣдкость.

Въ томъ же 1839 году, Павловъ помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» біографическую замѣтку объ Эвансѣ, съ цѣлью, какъ онъ говоритъ, «почтить память человѣка, который принадлежалъ къ числу иностранцевъ-воспитателей, но котораго уже, конечно, нельзя было обвинить ни въ недостаткѣ любви къ Россіи, его второму отечеству, ни въ недостаткѣ обширнаго просвѣщенія, составляющаго нашу вторую, благороднѣйшую природу». Эти строки послужили Павлову тэмой для всей статьи, и краткій біографическій очеркъ, подъ перомъ даровитаго художника, представилъ нѣчто оконченное, изящное и въ высшей степени интересное.

Разныя цензурныя придирки заставили Павлова, втеченіе почти десяти лѣтъ, ничего не печатать и только въ 1856, или 1857 году, имя его вновь появляется въ журналахъ. Комедія графа Сологуба «Чиновникъ» послужила тэмой для замѣчательной критической статьи, гдѣ талантъ Павлова облекъ сатиру въ самую изящную, въ самую увлекательную форму. Перо критика мѣстами превращалось въ анатомическій ножъ, безъ пощады уничтожающій все препятствующее видѣть настоящее положеніе изслѣдуемаго предмета. Силою мощнаго логическаго анализа софизмы теряютъ свою призрачность и изъ драматическаго произведенія, имѣвшаго случайный, раздутый успѣхъ, остался гнилой, негодный остовъ.

Другая критическая статья Павлова: «Біографъ-оріенталистъ», была напечатана въ томъ же году и, какъ всѣ статьи Николая Филипповича, произвела впечатлѣніе въ мірѣ журналистики.

Павловъ, до основанія имъ газеты «Наше Время», исключительно почти помѣщалъ статьи свои въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова и Леонтьева, но съ 1861 года посвятилъ всю свою литературную дѣятельность собственному журналу, который изъ еженедѣльнаго изданія превратился въ ежедневную газету, подъ названіемъ «Русскихъ Вѣдомостей», понынѣ существующихъ.

Н. Ф. Павловъ, какъ публицистъ, крайне не нравился quasi-либераламъ. Они, однако же, никогда не рѣшались вступать съ нимъ

въ полемику, потому что онъ былъ имъ далеко не по плечу; но за то, изъ-за угла, при малѣйшей возможности, они не упускали случая бросать въ него комки грязи, считая это, съ своей стороны, великимъ подвигомъ. На подобные подвиги Павловъ не обращалъ рѣшительно никакого вниманія, но когда случайно попадались между ругательствами какая либо острота или удачное сравненіе, онъ первый указывалъ на нихъ, говоря: «Вотъ бы автору довоспитать себя и доучиться, и вышло бы изъ него что нибудь путное».

Н. Ф., образовавшій самъ себя вслѣдствіе присущей натурѣ его потребности въ образованіи, никакъ не могъ понять того отсутствія гуманитарныхъ познаній, того глубокаго невѣжества, которымъ въ наше время отличается пресса извѣстнаго пошиба. Ему были непонятны ни независимость относительно грамотности, приличій и логики, ни quasi-передовое движеніе, часто напоминающее дѣтскія забавы и страсть ломать все, что попадется подъ руку, съ поврежденіемъ иногда и собственныхъ своихъ пальцевъ. Онъ не вѣрилъ въ возможность говорить о предметѣ, не изучивъ его всесторонне; онъ не допускалъ въ литературѣ, въ печатномъ словѣ, отсутствіе художественной формы, дубоватости выраженій, расклейки мыслей, а тѣмъ менѣе лубочности и площаднаго разгула.

Павловъ не былъ, однако же, педантомъ и рабомъ отжившихъ формъ и понятій; онъ всегда непритворно радовался появленію новыхъ, свѣжихъ силъ, новыхъ талантливыхъ дѣятелей въ нашей журналистикѣ и до послѣдней минуты своей далеко не безоблачной жизни слѣдилъ за всѣмъ современнымъ, сочувствовалъ всякому истинно благородному, истинно полезному начинанію и, слѣдовательно, не былъ пессимистомъ. Пылкое воображеніе Павлова, всегда юное, всегда полное иниціативы, часто служило причиною многихъ его ошибокъ въ жизни; но въ Николаѣ Филипповичѣ никогда не угасала та божественная искра добра, которая въ самыхъ крутыхъ, тяжкихъ обстоятельствахъ жизни не оставляетъ людей истинно талантливыхъ, воистинну даровитыхъ.

Были, къ сожалѣнію, лица, которыя рѣшались оскорблять Павлова печатно, дѣлая грязные, ни на чемъ не основанные намеки на его частную жизнь,—эту святыню, на которую не дерзнетъ посягнуть ни одинъ порядочный человѣкъ, — но пасквили не могли уронить, въ глазахъ публики, неотъемлемыхъ достоинствъ Павлова какъ писателя, и онъ, всетаки, останется въ нашей отечественной литературѣ на томъ почетномъ мѣстѣ, которое было пріобрѣтено имъ не пріятельскими журнальными рекламами, не неистовой поблажкой временнымъ капризамъ публики, а блестящими способностями и глубокимъ, многостороннимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ единственно помощію твердой, непреклонной потребности въ нрав-

ственномъ развитіи и пріисканіи художественной отдѣлки своей мысли.

Да, въ Павловѣ была эта мысль, въ которой многіе изъ нашихъ современныхъ журналистовъ такъ нуждаются; ему, вслѣдствіе богатства этой мысли, необходима была и достойная форма, въ которую онъ могъ бы облекать ее. Онъ нашелъ, выработалъ такую форму, далъ ей оригинальную, изящную своеобразность—и вотъ причина, по которой имя Н. Ф. Павлова въ русской литературѣ останется всегда почетнымъ и безукоризненно свѣтлымъ именемъ.

Павловъ скончался въ Москвѣ, отъ жестокаго, продолжительнаго недуга сердца, въ 1864 году.

Павловъ былъ женатъ на извѣстной поэтессѣ Каролинѣ Карловнѣ, рожденной Яниш, обратившей когда-то на себя вниманіе Гумбольдта, который долго былъ съ нею въ ученой перепискѣ. Если я не ошибаюсь, 80-ти лѣтняя Каролина Карловна Павлова до сихъ поръ жива и постоянно живетъ за границей.

IX.

Докторъ Спиро, лѣчившій воздухомъ и вѣтромъ.—Лѣченіе зимою, въ бесѣдкѣ, беременной женщины.—Маіоръ польской службы Осташевскій.—Его ремесло и удачное ухаживанье за старухами.—Садъ Осташевскаго.—Дальнѣйшая судьба польскаго маіора.—Продажа жены на Тверскомъ бульварѣ.—Благополучныя послѣдствія продажи для проданной.—С. А. Соболевскій.—Его эпиграммы.—Путешествіе мое, изъ Москвы въ Петербургъ, съ Соболевскимъ, Погодинымъ и Ротчевымъ.—Стихи Соболевскаго, посвященные Погодину.

Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ (дядя Пушкина и нашъ постоянный заобѣденный завсегдатай) любилъ чрезвычайно эксцентриковъ и оказывалъ имъ постоянно протекцію, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что это ему ничего не стоило, а подчасъ представляло случай лишній разъ пообѣдать не дома, а у тѣхъ, къ которымъ онъ привозилъ на показъ покровительствуемаго имъ субъекта.

Однажды, онъ привелъ къ намъ, какъ особенную рѣдкость, доктора Спиро, который лѣчилъ исключительно воздухомъ.

Я какъ теперь помню этого маленькаго, толстенькаго человѣчка, въ черномъ фракѣ, съ густымъ бѣлымъ жабо, торчавшимъ изъ-за жилета, и съ какимъ-то объемистымъ мѣшкомъ въ рукахъ, изъ котораго онъ вынималъ, по мѣрѣ того, что объяснялъ свою воздушную методу лѣченія, разныхъ величинъ мѣхи.

Помню, что въ это время былъ у насъ Сергѣй Александровичъ Соболевскій (другъ А. С. Пушкина), который, съ свойственнымъ ему юморомъ, вступилъ въ ученыя разсужденія съ докторомъ Спиро, а за симъ въ споръ, что̀ очень не понравилось Солнцеву, желавшему похвастаться своимъ protégé.

Спиро свою методу лѣченія основывалъ на той простой истинѣ, что Богъ сотворилъ человѣка безъ всякой одежды и безъ всякихъ лѣкарствъ, предоставивъ ему единственное средство отъ всякихъ недуговъ—воздухъ и вѣтеръ. На этой неоспоримой истинѣ основана была система Спиро. Воздухъ всегда находился въ распоряженіи человѣка, а вѣтеръ не всегда; а потому потребны были разныхъ размѣровъ мѣхи, производившіе не только малые и сильные вѣтры, но даже, въ случаѣ нужды, чуть не вьюгу.

Всѣ болѣзни безъ исключенія, даже самыя жестокія раны, излѣчивались радикально помощію воздуха и вѣтра.

Соболевскій, бывшій въ веселомъ расположеніи духа, занялся съ особеннымъ, настойчивымъ сарказмомъ воздушнымъ докторомъ, такъ что всѣ присутствующіе не могли удержаться отъ гомерическаго смѣха, возбуждаемаго въ особенности строго-серьёзною физіономіею Соболевскаго и его quasi-научными вопросами, обращенными къ Спиро, въ чрезвычайно почтительныхъ формахъ.

Докторъ не понялъ насмѣшекъ Соболевскаго, продолжалъ говорить нелѣпости и то и дѣло вынималъ изъ мѣшка своего мѣхи.

Весь ученый споръ окончился, однако же, замѣчаніемъ отца моего, что въ комнатѣ, отъ разныхъ вѣтровъ, стало холодно, а потому слѣдуетъ прекратить, на этотъ разъ, ученый медицинскій разговоръ, тѣмъ болѣе, что пора обѣдать.

Не взирая на всю нелѣпость воздушнаго лѣченія, нашелся, однако же, какой-то господинъ, кажется, Зубовъ, который согласился дозволить Спиро лѣчить свою беременную жену. Съ этою цѣлію, зимою, была нанята въ саду Осташевскаго (близь Тверскаго бульвара) бесѣдка, въ которую перевезли больную. Несчастная, къ удивленію всѣхъ, разрѣшилась отъ бремени благополучно, но новорожденный отъ холода умеръ на другой день.

Спиро оставался въ Москвѣ года два, но его методъ лѣченія не понравился даже и Замоскворѣчью, такъ что «воздушный» докторъ вынужденъ былъ покинуть Бѣлокаменную.

Выше я упомянулъ о садѣ Осташевскаго, владѣлецъ котораго достоинъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ.

Осташевскій, Казимиръ Ивановичъ, былъ отставной маіоръ польской службы и явился въ Москву съ цѣлію добыть себѣ какое нибудь казенное мѣстечко. Мѣстечка этого онъ себѣ не добылъ, но за то познакомился съ двумя старушками, сестрами П., въ домѣ которыхъ нанималъ комнатку у жильцовъ. Наружность Осташевскаго не представляла ничего изящнаго: онъ былъ здоровякъ съ красноватымъ лицомъ, съ закрученными вверхъ усами, съ унтеръ-офицерской походкой старыхъ «бурбоновъ»; всегда въ венгеркѣ съ бранденбургами, постоянно раздушенный самыми крѣпкими съ ногъ сшибательными духами.

Старушки П. (меньшой было около 70 лѣтъ) обласкали Осташевскаго, когда онъ нашелъ нужнымъ представиться къ нимъ, какъ къ домовладѣлицамъ, такъ какъ онѣ нашли въ немъ ежедневнаго партнера въ дурачки—единственную игру, которую онѣ знали и любили. Въ очень короткое время, польскій отставной маіоръ съумѣлъ воспламенить сердца дѣвицъ-старушекъ и сдѣлался въ ихъ домѣ полновластнымъ хозяиномъ, а затѣмъ владѣльцемъ этого дома, съ прибавкою 2,000 душъ крестьянъ, которые были ему проданы дѣвицами по безденежной купчей крѣпости.

Нужно отдать, однако же, справедливость Осташевскому: онъ жилъ съ старушками въ сердечномъ согласіи до ихъ смерти. Похоронивъ дѣвицъ съ надлежащей помпой, Казимиръ Ивановичъ превратилъ садъ дома своего, на Тверскомъ бульварѣ, въ какую-то кунтскамеру. По всѣмъ аллеямъ понаставилъ онъ множество гипсовыхъ, выкрашенныхъ куколъ въ ростъ человѣка: тутъ были и Венеры, и Апполоны, и солдаты въ полной амуниціи, и крестьянки въ кокошникахъ, и львы, и барсы, и козы—однимъ словомъ «чего хочешь, того просишь». Посреди сада былъ вырытъ прудъ, въ которомъ плавали лебеди. По дорожкамъ и лугамъ прогуливались павлины, индѣйскіе пѣтухи, журавли, цапли и другія птицы. Въ безчисленныхъ бесѣдкахъ поставлены были органы, часы съ музыкой, Эоловы арфы, барабаны, отбивавшіе помощію какого-то механизма разныя трели, и кукующія деревянныя кукушки. По дорожкамъ стояли верстовые столбы съ надписями: «отъ перваго вздоха до признанія—одинъ шагъ», «отъ признанія до восторга и счастія—мгновеніе», и т. д. въ томъ же родѣ.

По вечерамъ, въ садъ Осташевскаго, который былъ открытъ для всѣхъ, съѣзжались съ дѣтьми, знавшіе и незнавшіе его. Хозяинъ всегда былъ замѣчательно любезенъ съ дамами и въ особенности съ дамами пожилыхъ лѣтъ.

Однажды, Казимиръ Ивановичъ былъ вызванъ къ генералъ-губернатору, по какой-то на него принесенной жалобѣ. Послѣ разныхъ объясненій, генералъ-губернаторъ спросилъ его: «откуда и какимъ образомъ, прибывъ въ Москву чуть не нищимъ, онъ пріобрѣлъ такое большое состояніе»?

На этотъ вопросъ Осташевскій очень наивно отвѣчалъ: «Я пользуюсь благосклонностію московскихъ дамъ».

Но, увы! фортуна измѣнила вдругъ этому побѣдителю нѣжныхъ богатыхъ старухъ: онъ влюбился въ свою соотечественницу, лихую польку, которая обобрала его до нитки и бросила.

На томъ же Тверскомъ бульварѣ, противъ оконъ бывшаго своего дома, дряхлый старикъ Осташевскій, въ рубищѣ, просилъ милостыню у проходящихъ. Умеръ онъ подъ подворотней того дома, въ которомъ двѣ старухи одарили его такъ щедро земными благами...

Тверской бульваръ напоминаетъ мнѣ разсказъ отца моего и князя Д. М. Волконскаго о сдѣлкѣ, происходившей на этомъ бульварѣ, въ ихъ присутствіи, между княземъ Голицынымъ и графомъ Разумовскимъ.

Князь Голицынъ, дѣла котораго были очень въ плачевномъ положеніи, пригласилъ однажды князя Волконскаго и отца моего обѣдать въ ресторанъ Яра, прося ихъ пріѣхать передъ обѣдомъ на Тверской бульваръ, дабы оттуда вмѣстѣ отправиться къ Яру.

Приглашеніе было принято, и приглашенные явились на бульваръ, найдя тамъ сидящихъ на скамьѣ — князя Голицына и графа Разумовскаго. Первый счелъ нужнымъ объяснить прибывшимъ, что онъ, по просьбѣ своей жены и по желанію графа, уступаетъ ему ее, съ тѣмъ, что графъ уплатитъ нѣкоторые его долги и, сверхъ того, дастъ ему сто тысячъ; что деньги эти графъ желаетъ вручить ему въ присутствіи его друзей, вслѣдствіе чего князь Волконскій и отецъ мой были имъ приглашены на обѣдъ къ Яру, гдѣ Разумовскій окончитъ съ нимъ разсчетъ.

Послѣ этихъ объясненій, всѣ отправились въ ресторанъ обѣдать, и тамъ графъ Разумовскій дѣйствительно передалъ князю Голицыну деньги, обѣщанныя ему за его жену.

Продажа эта, какъ разсказывали старики, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе въ высшемъ петербургскомъ и московскомъ обществѣ; но время взяло свое, и бывшая обладательница Карловки [1]) чуть не до 100 лѣтъ пользовалась своимъ богатствомъ и почестями, принимая въ свои салоны лучшее петербургское общество.

Возвращаюсь къ Соболевскому, имя котораго я упомянулъ въ началѣ этой главы.

Сергѣя Александровича Соболевскаго, закадычнаго друга Пушкина, я зналъ коротко, встрѣчаясь съ нимъ у Александра Николаевича Соймонова, любившаго его больше, чѣмъ своего сына. Соболевскій, по своему остроумію, по тонкости юмора, по необыкновенной находчивости и весьма недюжинному поэтическому таланту, принадлежалъ безспорно къ личностямъ выдающимся. Онъ не печаталъ своихъ стиховъ, потому что боялся критики со стороны своего друга, подъ лучами славы котораго онъ блаженствовалъ, гордясь дружбою великаго поэта. Но многіе стихи Соболевскаго, въ свое время, ходили по рукамъ, а эпиграммы учились наизусть. Между прочимъ, одна изъ его эпиграммъ, написанная на поэтессу Каролину Карловну Павлову (рожденную Янишъ), производила въ тогдашнемъ обществѣ фуроръ.

---

[1]) Имѣніе, купленное у графини Разумовской великой княгиней Еленой Павловной.

Нужно сказать, что Каролина Карловна, женщина очень зрѣлыхъ лѣтъ и притомъ далеко некрасивая, вслѣдствіе ревности къ своему мужу, такъ однажды разсердилась на него, что представила ко взысканію его заемныя письма, и Николай Филипповичъ Павловъ былъ посаженъ на нѣсколько дней въ долговое отдѣленіе [1]). По этому случаю Соболевскій написалъ слѣдующую эпиграмму:

«Куда ни взглянешь—
«Любви могила,
«И Каролина Яншъ
«Мужа въ яму посадила.
«Плачетъ эта дама,
«Молится о мужѣ:
«Будь ему ты, яма,
«Уже, хуже, туже!»

Въ 1844 или 1845 году, мнѣ встрѣтилась необходимость поѣхать въ Петербургъ. Взявъ заблаговременно билетъ въ маль-постъ, въ день отъѣзда, я отправился въ почтамтъ, въ отдѣленіе почтовыхъ каретъ и, къ моему большому удовольствію, нашелъ тамъ Соболевскаго, Погодина и А. Г. Ротчева, которые тоже отправлялись въ этотъ день въ Петербургъ. Нужно замѣтить, что это путешествіе представляло много удобствъ и не утомляло, какъ нынѣшнія поѣздки по желѣзнымъ дорогамъ: станціи, по всему пути, были великолѣпны, кормили повсюду отлично, можно было ѣсть, не опасаясь подавиться спѣша, въ особенности, когда бравый, предупредительный кондукторъ, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, получалъ должную, за свои услуги, мзду отъ пассажировъ.

Такъ какъ, во время путешествія, мы должны были два раза обѣдать, то было между нами условлено, что виномъ и водкой на первой обѣденной стоянкѣ будетъ угощать Соболевскій, а на второй я. Причина принятой нами на себя обязанности заключалась въ томъ, что Ротчевъ почти ничего не пилъ, а Погодинъ былъ до скаредности скупъ.

Послѣ перваго обѣда, съ нѣсколькими бутылками шампанскаго, Погодинъ опьянѣлъ и пустился въ жестокій споръ съ Соболевскимъ. Это повело къ насмѣшкамъ со стороны послѣдняго, такъ что мы съ Ротчевымъ вынуждены были останавливать и того и другаго, и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, намъ удалось примирить расходившагося Михаила Петровича съ Соболевскимъ. При мировой, потребовалось опять шампанское, и тутъ Погодинъ сталъ приставать къ Соболевскому, чтобы онъ написалъ ему стихи, говоря: «Ты обязанъ мнѣ написать что нибудь на память—иначе ты негодяй!»

[1]) Долговая тюрьма въ Москвѣ называется ямою.

Соболевскій потребовалъ листъ бумаги, карандашъ и написалъ слѣдующее посланіе въ стихахъ, съ заголовкомъ: «Пьяному другу, Михаилу Петровичу Погодину, профессору исторіи россійской и кавалеру».

«Преотвратительный уродъ!
Скажи мнѣ, коль отвѣта стою,
Зачѣмъ твой грязный, толстый носъ
Такъ сходенъ съ ямою простою?
Скажи и то: зачѣмъ же взросъ,
Между ушей, между глазами,
Гдѣ у людей бываетъ носъ,
Огромный кустъ съ двумя бобами?» [1])

Я первый прочелъ эти стихи, показавъ ихъ Ротчеву, и положилъ ихъ въ карманъ, объявивъ, что они будутъ прочтены на слѣдующій день, когда мы всѣ протрезвимся. Соболевскій тотчасъ же согласился, но Погодинъ разсердился на меня и прибавилъ, что я русской исторіи никогда не зналъ, да и вообще, какъ студентъ, былъ у него на дурномъ счету.

На другой день, я передалъ стихи Погодину, который сначала видимо оскорбился, но потомъ оставилъ все безъ послѣдствій, забывъ, въ особенности послѣ втораго обѣда съ шампанскимъ, о случайной ссорѣ своей съ Соболевскимъ.

Мы, съ покойнымъ Ротчевымъ, часто вспоминали объ этомъ дорожномъ эпизодѣ и сожалѣли, что ничего подобнаго не можетъ уже случиться при существованіи желѣзныхъ дорогъ.

X.

Докторъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.—Его характеръ и дѣятельность на пользу человѣчества.—Костюмъ Гааза.—Отношеніе Гааза къ арестантамъ.—Памятникъ, сооруженный ему ссыльными въ Сибири.—Посѣщеніе государемъ Николаемъ Павловичемъ московскаго тюремнаго замка.—Гаазъ испрашиваетъ у императора помилованіе приговоренному.—Слова государя, обращенныя къ Гаазу.—Дѣятельность Гааза во время холеры въ Москвѣ.—Кончина его.—Дружба Гааза съ графомъ Зотовымъ.—Иванъ Васильевичъ Капнистъ.—Встрѣча у Капниста Гоголя съ М. Н. Муравьевымъ.—Неудовольствіе Гоголя по случаю рекомендаціи.—Наружность Гоголя и его костюмъ.

Среди волнъ и тины моря житейскаго, среди ежедневныхъ столкновеній страстей и страстишекъ, самолюбій и честолюбій, зависти и ненависти, невольно отдыхаешь и умомъ, и сердцемъ, встрѣчаясь съ личностями, воплощающими добро, безграничную любовь къ ближнимъ и полнѣйшее самоотверженіе.

[1]) Нѣкоторыя слова я измѣняю, такъ какъ въ подлинникѣ они слишкомъ непечатны.

Къ числу такихъ, къ прискорбію болѣе чѣмъ рѣдкихъ, личностей принадлежалъ докторъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, котораго знала вся Москва—отъ аристократа до простолюдина.

Гаазъ былъ главнымъ докторомъ тюремныхъ больницъ и всецѣло посвятилъ себя своему призванію—любви къ человѣчеству.

Когда-то богатый, онъ былъ обобранъ и разоренъ однимъ изъ своихъ коллегъ, вслѣдствіе безпредѣльной довѣрчивости своего характера. Переходъ отъ благосостоянія почти къ нуждѣ нисколько не измѣнилъ Гааза: та же всегда добродушная улыбка на устахъ, то же нравственное спокойствіе, то же состраданіе къ горю и несчастью ближнихъ, та же готовность помочь страждущему—не покидали его до конца жизни.

Гаазъ часто посѣщалъ насъ, и я, будучи ребенкомъ, уже зналъ и любилъ его, такъ какъ онъ былъ особенно ласковъ съ дѣтьми.

Ѳедоръ Петровичъ, вслѣдствіе разразившейся надъ нимъ катастрофы, вынужденъ былъ замѣнить карету съ четверкой плохими дрожками съ верхомъ, запряженными старою клячею, которою правилъ кучеръ въ потертомъ армякѣ. Экипажъ этотъ былъ извѣстенъ всему бѣдному населенію Москвы, такъ какъ Гаазъ не только принималъ у себя бѣдныхъ больныхъ безплатно, но и ѣздилъ навѣщать ихъ по чердакамъ и подваламъ, не взирая на свои преклонныя лѣта.

Постоянный костюмъ Ѳедора Петровича былъ черный фракъ, бѣлый галстухъ съ неизбѣжнымъ жабо, короткія панталоны, черные шелковые чулки и башмаки со стальными пряжками.

Когда Гаазъ встрѣчалъ на улицѣ какого нибудь пьяненькаго мужичка, то непремѣнно сажалъ его въ свои дрожки и довозилъ до дому. Объ арестантахъ онъ заботился, какъ будто они были дѣйствительно его родныя дѣти, и арестанты положительно боготворили его. Эта непритворная любовь арестантовъ къ Гаазу выразилась наглядно тѣмъ, что сосланные въ Сибирь арестанты, знавшіе Ѳедора Петровича въ Москвѣ, собрали между собою, грошами, деньги и соорудили ему маленькій памятникъ, у котораго ежегодно служили панихиды по усопшемъ.

Занимаясь, по предписанію московскаго военнаго генералъ-губернатора, дѣлами арестантовъ, содержащихся въ тюремномъ замкѣ, я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго эпизода, обрисовывающаго личность Гааза.

Однажды, намъ дано было знать, что государь Николай Павловичъ желаетъ посѣтить, въ извѣстный день, тюремный замокъ. Всѣ служившіе въ замкѣ, нѣкоторые директора тюремнаго комитета и главный докторъ тюремной больницы, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, явились, естественно, задолго до прибытія государя императора. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, его величество изволилъ

прибыть въ замокъ, съ генералъ-губернаторомъ, княземъ А. Г. Щербатовымъ.

При входѣ въ такъ называемый «дворянскій корридоръ», гдѣ содержались арестанты привиллегированныхъ сословій, государь обратился къ нимъ съ вопросомъ: «Довольны ли они содержаніемъ, не обижаютъ ли ихъ, и нѣтъ ли у кого нибудь изъ нихъ особыхъ просьбъ?»

Содержащіеся отвѣчали, что всѣмъ довольны, но что просятъ у государя одной милости — повелѣть окончить дѣла ихъ скорѣе, такъ какъ медленность производства слѣдствій томитъ ихъ и тяжелѣе для нихъ ожидаемаго ими наказанія.

Государь милостиво выслушалъ эту просьбу и сказалъ князю Щербатову, чтобы онъ велѣлъ приготовить о дворянахъ особый докладъ на высочайшее имя.

За симъ, его величество направился для осмотра одиночныхъ камеръ. При входѣ въ одну изъ нихъ, онъ увидѣлъ дряхлаго старика, который съ трудомъ поднялся съ своей койки.

Старикъ, какъ оказалось, пять лѣтъ уже приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь, но остается въ замкѣ лишь потому, что докторъ Гаазъ находитъ опаснымъ для арестанта столь дальній путь, сопряженный со множествомъ неудобствъ для больнаго.

Государь обратился къ Гаазу и спросилъ, правда ли это и законно ли онъ поступаетъ, удерживая «рѣшеннаго» въ замкѣ?

Ѳедоръ Петровичъ, вмѣсто отвѣта, всталъ предъ государемъ на колѣна и просилъ государя вовсе помиловать старика.

Его величество взялъ Гааза за локти и хотѣлъ его приподнять, но тотъ рѣшительно объявилъ, что не встанетъ, не получивъ для старика помилованія. Тогда императоръ Николай Павловичъ, подумавъ немного, сказалъ: «Я исполню желаніе ваше, Ѳедоръ Петровичъ [1]), но если я поступаю несправедливо, то грѣхъ ляжетъ на вашей душѣ».

Гаазъ всталъ и со слезами бросился обнимать и цѣловать государя, у котораго показались тоже слезы на глазахъ и который, въ свою очередь, обнялъ и поцѣловалъ Гааза.

На другой же день, по приказанію генералъ-губернатора, были мною изготовлены двѣ докладныя записки на высочайше имя: одна объ ускореніи слѣдствій, производившихся о дворянахъ, а вторая о помилованіи старика; но Ѳедоръ Петровичъ, не ожидая окончанія формальностей, тотчасъ же вывелъ старика изъ камеры и отвезъ къ себѣ домой.

Таковъ былъ докторъ-апостолъ Гаазъ!

Во время холеры, господствовавшей въ Москвѣ въ 1847—1848 годахъ, Ѳедоръ Петровичъ, не взирая на свои преклонныя лѣта и

---

[1]) Государь давно зналъ коротко Гааза и очень любилъ и уважалъ его.

видимый упадокъ силъ, проявлялъ особую дѣятельность въ холерныхъ больницахъ и придерживался того мнѣнія, «что холера болѣзнь неприлипчивая». Съ цѣлію убѣдить въ этомъ какъ больныхъ, такъ и врачей, Гаазъ, немедленно послѣ больнаго, садился въ неопорожненную ванну, оставаясь въ ней по 10-ти минутъ и болѣе, чему я былъ неоднократно свидѣтелемъ въ яузской холерной больницѣ.

Кончина Гааза представила вѣрующимъ въ святость добра трогательную картину. Когда Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ, что силы окончательно оставляютъ его и что смерть неизбѣжно постигнетъ его очень скоро, онъ велѣлъ перенести свою кровать изъ спальни въ пріемный залъ своей квартиры и отдалъ приказаніе допускать къ нему всѣхъ, кто пожелаетъ его видѣть и съ нимъ проститься. Сотни людей явились взглянуть на святаго старика, который скончался спокойно, въ присутствіи бѣднаго, нуждающагося люда, такъ имъ любимаго,—люда, которому онъ посвятилъ всю свою многолѣтнюю, праведную дѣятельность...

Гаазъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ графомъ Николаемъ Ивановичемъ Зотовымъ, о которомъ я упоминалъ въ началѣ этихъ записокъ. Замѣчательно, что Гаазъ принадлежалъ къ числу людей, твердо и слѣпо вѣрующихъ, тогда какъ гр. Зотовъ былъ скептикъ, послѣдователь ученія энциклопедистовъ и мало вѣрующій. Между тѣмъ, эти двѣ крайности сходились—ихъ соединяла и общила любовь къ ближнему, любовь къ добру и теплое, сердечное влеченіе къ проявленію этого добра, этой любви.

Я очень часто видѣлся съ гр. Николаемъ Ивановичемъ и Ѳедоромъ Петровичемъ, который обязательно, два раза въ недѣлю, обѣдалъ у своего стараго друга. Не проходило ни одного обѣда, чтобы между добродушнымъ Гаазомъ и Зотовымъ не происходило горячаго, даже крупнаго разговора по поводу отстаиваемыхъ каждымъ изъ нихъ, вполнѣ противоположныхъ принциповъ; но споры эти не могли разстроить дружбы стариковъ.

Особенно интересный характеръ принимали словопренія, когда къ Зотову пріѣзжалъ обѣдать Иванъ Васильевичъ Капнистъ[1]), любившій и уважавшій обоихъ стариковъ. Онъ такъ ловко, такъ умно доказывалъ Гаазу, что тотъ увлекается, а гр. Зотову, что онъ во многомъ заблуждается, что оба противника вдругъ умолкали и въ концѣ концовъ сознавались, что ни тотъ ни другой не были правы.

У И. В. Капниста, гр. Зотовъ, А. Я. Булгаковъ (бывшій московскій почтъ-директоръ) и я собирались часто, по вечерамъ, иг-

---

[1]) Тогдашній московскій гражданскій губернаторъ, сынъ автора извѣстной комедіи «Ябеда», — человѣкъ, замѣчательный по своему уму, честности и добротѣ.

рать на билліардѣ, до котораго всѣ мы были большіе охотники, хотя я никогда не могъ научиться хорошо играть на немъ. Нѣсколько разъ, у Капниста, мнѣ довелось видѣть геніальнаго Гоголя, который рѣдко пускался въ разговоръ и всегда выглядывалъ «букой».

Одинъ только разъ удалось мнѣ видѣть Гоголя въ хорошемъ расположеніи духа и вздумавшимъ представлять въ лицахъ разныхъ животныхъ изъ басенъ Крылова. Всѣ мы были въ восхищеніи отъ этого дѣйствительно замѣчательнаго impromptu, которое окончилось внезапно вслѣдствіе случайнаго пріѣзда къ Капнисту Михаила Николаевича Муравьева, который не былъ знакомъ съ Гоголемъ.

Капнистъ, знакомя Гоголя съ Муравьевымъ, сказалъ: «Рекомендую вамъ моего добраго знакомаго, хохла какъ и я, Гоголя». Эта рекомендація, видимо, не пришлась по вкусу геніальному писателю, и на слова Муравьева: «Мнѣ не случалось, кажется, сталкиваться съ вами», Гоголь очень рѣзко отвѣтилъ: «Быть можетъ, ваше превосходительство, это для меня большое счастіе, потому что я человѣкъ больной и слабый, которому вредно всякое столкновеніе».

Муравьевъ, выслушавъ эту жолчную тираду, отвернулся отъ Гоголя, который, ни съ кѣмъ не простившись, тотчасъ же уѣхалъ. Впослѣдствіи, я слышалъ отъ Ивана Васильевича, что Гоголь не на шутку на него разсердился за «непрошенную (какъ онъ выразился) рекомендацію».

Наружность Гоголя была очень непривлекательна, а костюмъ его (венгерка съ бранденбургами) придавалъ ему крайне невзрачный видъ. Кто не зналъ Гоголя, тотъ никогда бы не догадался, что подъ этой некрасивой оболочкой кроется личность геніальнаго писателя, которымъ гордится Россія.

И. Арсеньевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЛОВО ЖИВОЕ О НЕЖИВЫХЪ [1].

XI.

Московскій митрополитъ Филаретъ.—Нравственное его вліяніе въ Москвѣ.—Мои отношенія къ Филарету.—Его характеръ.—Отношенія Филарета къ государю Николаю Павловичу и мелкія противодѣйствія.—Внѣшность Филарета и пріемы его запросто.—Филаретъ съ подчиненными.—Взглядъ Филарета на раскольниковъ и на арестантовъ.—Сцена Филарета съ барынями-ханжами.—И. П. Липранди.—Его происхожденіе.—Липранди какъ начальникъ политической полиціи въ Парижѣ.—Вигель какъ клеветникъ.—Посылка Липранди въ Турцію.—Дѣятельность Липранди по службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Мое знакомство съ Липранди.—Дѣло Петрашевскаго.—Журналистъ-агентъ Третьяго Отдѣленія.—Кончина Липранди.

ВЪ МОСКВѢ, одною изъ наиболѣе выдающихся личностей, въ мое время, былъ, безъ сомнѣнія, митрополитъ Филаретъ. Онъ имѣлъ огромное нравственное вліяніе во всѣхъ слояхъ общества и въ особенности въ средѣ купеческой, гдѣ его считали чуть не святымъ. Митрополитъ Филаретъ представлялъ изъ себя, въ этой средѣ, судью непогрѣшимаго и посему рѣшалъ не только семейныя дѣла московскихъ богатыхъ купцовъ, но безапелляціонно оканчивалъ тяжбы по милліоннымъ наслѣдствамъ. Судебные процессы, даже послѣ сенатскихъ опредѣленій, Филаретъ кассировалъ по своему

[1]) Въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» заканчиваются «Воспоминанія» Иліи Александровича Арсеньева. Смерть лишила его возможности дописать ихъ; онъ умеръ 16 февраля, на 67 году отъ рожденія, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, въ исходѣ которой не заблуждался. Еще 20 ноября прошлаго года, онъ писалъ намъ: «Спѣшу съ моими записками, такъ

личному усмотрѣнію. Для этого, онъ вызывалъ къ себѣ тяжущихся и объявлялъ имъ, что они обязаны окончить дѣло не иначе, какъ по его, митрополита, мнѣнію. Это приказаніе «владыки» безпрекословно и немедленно исполнялось.

Я видѣлся съ митрополитомъ Филаретомъ довольно часто—или въ тюремномъ комитетѣ, въ которомъ онъ занималъ мѣсто вице-президента [1]), или у него на дому (въ Чудовскомъ подворьѣ), по слѣдствіямъ, возбуждаемымъ эпархіальнымъ вѣдомствомъ противъ раскольниковъ-безпоповцевъ.

Не взирая на то, что я пользовался постоянно благосклонностію и особою внимательностію его высокопреосвященства, сердце мое не лежало къ Филарету, потому что въ немъ я никогда не находилъ именно сердца. На мой взглядъ, составившійся по истеченіи шестилѣтняго періода времени, при еженедѣльныхъ (а иногда и чаще) свиданіяхъ моихъ съ Филаретомъ, онъ былъ эгоистъ, честолюбецъ и властолюбецъ, и при этомъ безсердечный, сухой аскетъ, съ безпредѣльною нетерпимостію.

Я могу ошибаться, но считалъ бы безчестнымъ говорить то, чего не думалъ и не думаю, ради того только, что множество лицъ, въ особенности изъ духовнаго званія, выражали, даже печатно, другое мнѣніе о Филаретѣ.

Пользуясь пріобрѣтенной славой геніальнаго проповѣдника и архипастыря, митрополитъ Филаретъ сопротивлялся иногда волѣ

какъ чувствую, что приближаюсь къ концу», а въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ ослабѣвшей рукой, 2 января, шутливо прибавлялъ: «Я теперь напѣваю романсъ Шуберта «Adio», который гласитъ, что «La mort est une amie» — съ завтрашняго дня у меня поселяется сестра милосердія».

И. А. Арсеньевъ по своему происхожденію, воспитанію и образованію принадлежалъ къ лучшему обществу; это былъ человѣкъ очень умный, способный, и чрезвычайно добрый, не сдѣлавшій блестящей, служебной карьеры лишь вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ редакторъ политическаго отдѣла въ бывшей газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная Почта», какъ издатель юмористическаго журнала «Заноза», имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ, и основатель «Петербургской Газеты», столь распространенной въ настоящее время. Онъ писалъ передовыя статьи, корреспонденціи и фельетоны во многихъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, почти никогда не подписывая своей фамиліи, и только его «Воспоминанія» начали печататься въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ полнымъ именемъ автора. Читатели, безъ сомнѣнія, пожалѣютъ вмѣстѣ съ нами, что эти воспоминанія прерваны, — дальнѣйшее продолженіе ихъ представляло бы еще большій интересъ, потому что И. А. Арсеньевъ много видѣлъ и испыталъ въ своей жизни, находился въ близкомъ общеніи со многими вліятельными лицами прошлаго царствованія, исполнялъ разнообразныя служебныя порученія и въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ имѣлъ довольно замѣтное положеніе въ литературѣ. Ред.

[1]) Президентомъ всѣхъ тюремныхъ комитетовъ былъ тогда графъ (впослѣдствіи князь) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, а вице-президентами въ Москвѣ — генералъ-губернаторъ и митрополитъ.

покойнаго государя Николая Павловича. Сопротивленія эти, два раза, онъ выразилъ въ томъ, что отказался освящать большой театръ (со статуей Аполлона) и церковь, устроенную при московскомъ экзерциргаузѣ (манежѣ). Не могу понять, почему въ отказѣ этомъ видѣли, со стороны Филарета, геніальность и твердую волю? Онъ просто пользовался преклонными своими лѣтами и полною увѣренностію въ безнаказанности. При освященіи обошлись естественно безъ митрополита, котораго императоръ Николай Павловичъ не долюбливалъ, имѣя о немъ, какъ о человѣкѣ, самое вѣрное понятіе.

Внѣшность Филарета была невзрачна: небольшаго роста, очень худощавый, съ рѣденькой бородой, съ пронзительными глазами и съ чуть слышнымъ, гнусящимъ голосомъ. Когда онъ принималъ у себя запросто, костюмъ его состоялъ изъ чернаго, шерстянаго подрясника, бархатной черной скуфейки и въ опорышахъ, надѣтыхъ на босыя ноги.

Меня всегда возмущало, когда я случайно попадалъ во время пріема Филаретомъ несчастныхъ пріѣзжихъ, подчиненныхъ ему священниковъ: они доползали до него на четверенькахъ, не могли отъ страха произнести ни одного слова при «владыкѣ», который грозно смотрѣлъ на этихъ скромныхъ, забитыхъ судьбою людей. Филаретъ, въ ихъ присутствіи, превращался въ Юпитера-громовержца, предъ которымъ всѣ должны были трепетать. Меня коробили эти возмутительныя сцены, и Филаретъ, повидимому, замѣчалъ мою нравственную пытку, но никогда не проронилъ ни единаго слова по этому поводу.

Раскольниковъ, какого бы толка они ни были, Филаретъ не терпѣлъ, и былъ того мнѣнія, что ихъ необходимо преслѣдовать во что бы то ни стало. По моей обязанности, я долженъ былъ объяснять его высокопреосвященству о частыхъ несправедливостяхъ, допускаемыхъ при слѣдствіи противъ раскольниковъ ни въ чемъ неповинныхъ. Бывали случаи, что мнѣ доводилось указывать на явную безсмыслицу обвиненій и помощію власти генералъ-губернатора прекращать слѣдствіе; но я видѣлъ, какъ это не нравилось митрополиту, хотя онъ того и не высказывалъ, продолжая обходиться со мною съ обычною благосклонностію.

Къ арестантамъ Филаретъ относился тоже крайне несимпатично и положительно сердился на доктора Гааза, когда тотъ, съ свойственнымъ ему благодушіемъ, настаивалъ на облегченіи участи арестанта, или на выдачѣ пособія семейству заключеннаго.

Однажды вышла, вслѣдствіе препирательствъ Гааза съ Филаретомъ, довольно знаменательная сцена. Митрополитъ, видимо недовольный настойчивостію Гааза, съ досадою сказалъ ему:

— Да что вы, Ѳедоръ Петровичъ, ходатайствуете объ этихъ негодяяхъ? Если человѣкъ попалъ въ темницу, то проку въ немъ быть не можетъ.

— Ваше высокопреосвященство,—отвѣчалъ Гаазъ:—вы изволили забыть о Христѣ, который тоже былъ въ темницѣ!

Всѣ мы, присутствующіе, были сильно поражены этимъ смѣлымъ отвѣтомъ Ѳедора Петровича и ожидали чего нибудь недобраго; но Филаретъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, сказалъ:

— Не я забылъ о Христѣ, но Христосъ забылъ меня въ эту минуту. Простите Христа-ради!

Съ этими словами Филаретъ приподнялся и закрылъ засѣданіе комитета.

Московскій митрополитъ Филаретъ, угнетая тѣхъ изъ своихъ подчиненныхъ, которые не пользовались вѣскою протекціею, сильно покровительствовалъ всегда людямъ, имѣвшимъ связи, и своимъ родственникамъ, которыхъ опредѣлялъ на доходныя мѣста.

Я не слышалъ, чтобы Филаретъ помогалъ бѣднымъ изъ своего кошелька, хотя получалъ огромные доходы и имѣлъ уже скопленный значительный капиталъ.

Съ барынями-ханжами, которыя являлись къ нему, кувыркались предъ нимъ и подстилали свои юбки подъ его ноги, когда онъ проходилъ чрезъ пріемный залъ,—Филаретъ не церемонился, часто давалъ имъ нагоняи и требовалъ отъ нихъ денежныхъ пожертвованій на украшеніе той или другой церкви.

Купцы, не взирая на все это, причисляли Филарета еще заживо къ лику святыхъ.

Упомянувъ о ненависти Филарета къ раскольникамъ, перейду къ воспоминаніямъ о человѣкѣ, который, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Надеждинымъ, много работалъ въ своей жизни по дѣламъ раскола и считался лучшимъ знатокомъ этихъ дѣлъ. Я говорю объ Иванѣ Петровичѣ Липранди.

Иванъ Петровичъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ личностей, которыя были поносимы извѣстною средою, не взирая на ихъ положительныя достоинства. Липранди умеръ лѣтъ пять-шесть тому назадъ и былъ, въ полномъ смыслѣ слова, живымъ богатымъ архивомъ.

Предки И. П. были испанскіе дворяне, и, слѣдовательно, въ жилахъ его текла кровь, жаждавшая полей брани, войны; поэтому оба брата Липранди—Иванъ Петровичъ и Павелъ Петровичъ (бывшій корпусный командиръ)—поступили въ военную службу.

Въ Отечественную войну 1812 года, Иванъ Петровичъ Липранди былъ уже полковникомъ генеральнаго штаба и въ битвѣ подъ Смоленскомъ получилъ тяжкую контузію въ колѣно, отъ которой страдалъ періодически втеченіе всей своей жизни; страшныя боли доводили его до обморока.

Энциклопедически образованный, замѣчательный лингвистъ, обладавшій рѣдкою способностію быстро понимать и соображать, въ

извѣстный моментъ, силу обстоятельствъ и ихъ послѣдствія, И. П. Липранди не могъ не обратить на себя вниманія тѣхъ сподвижниковъ императора Александра Павловича, которые играли первенствующую роль въ знаменитую эпоху Отечественной войны. По указанію фельдмаршала, министра иностранныхъ дѣлъ и одного коронованнаго лица, когда войска наши вошли въ Парижъ, Иванъ Петровичъ былъ назначенъ начальникомъ русской военной и политической полиціи во Франціи. Блестяще исполнивъ это порученіе, Липранди, по окончаніи войны, вышелъ въ отставку и занялся спеціально, на мѣстѣ, изученіемъ восточнаго вопроса. Онъ собралъ по этому предмету рѣдкую, обширную библіотеку, которая была имъ продана, въ старости лѣтъ, изъ крайней нужды, публичной библіотекѣ. По восточному вопросу, Липранди написалъ и напечаталъ множество монографій, помѣщенныхъ въ разныхъ историческихъ сборникахъ.

Въ запискахъ своихъ, Ф. Ф. Вигель, извѣстный грязный клеветникъ, плутъ, шпіонъ и смѣлый взяточникъ, вздумалъ огрязнять Липранди за дѣятельность его во Франціи, но это ему не удалось, потому что Иванъ Петровичъ, просто и ясно, на основаніи фактовъ документальныхъ, печатно доказалъ, что Вигель вралъ и что бѣлаго, при самой наглой лжи, нельзя превратить въ черное.

Передъ турецкой кампаніей 1828 года, Липранди былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію, на мѣсто предстоящихъ военныхъ дѣйствій и подготовилъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и матеріалы, какъ въ военномъ, такъ въ политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

При вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Левъ Алексѣевичъ Перовскій, зная давно Липранди, и цѣня его какъ честнаго, энергическаго и замѣчательно даровитаго человѣка, просилъ Ивана Петровича принять мѣсто чиновника особыхъ порученій при немъ. Долго колебался Липранди, но, наконецъ, согласился на настойчивыя предложенія Перовскаго, который сталъ поручать Ивану Петровичу особенно важныя слѣдствія, въ особенности же дѣла, имѣвшія политическую подкладку.

Я познакомился съ Иваномъ Петровичемъ въ Москвѣ, когда онъ былъ туда посланъ Перовскимъ предсѣдателемъ разныхъ коммиссій и, между прочимъ, коммиссіи по дѣламъ раскольниковъ. Злая молва о Липранди предупредила пріѣздъ его въ Москву, и я, сознаюсь, былъ тоже въ числѣ тѣхъ, которые считали его взяточникомъ, на основаніи словъ Вигеля.

По предписанію генералъ-губернатора, я былъ назначенъ членомъ коммиссіи для изслѣдованія скопческой секты... Мнѣ было извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что отъ скопцовъ и безпоповцевъ Липранди могъ получить сотни тысячъ, но онъ не принялъ ихъ (хотя и не хвастался, какъ другіе, своимъ безкорыстіемъ),

что̀ мнѣ дало полное право считать его человѣкомъ, заслуживающимъ глубокаго уваженія.

Липранди первый предлагалъ правительству уничтожить преслѣдованіе безвредныхъ раскольническихъ сектъ, и въ докладныхъ запискахъ своихъ Перовскому утверждалъ, что преслѣдованія влекутъ за собою не уничтоженіе ереси, а исключительно развитіе взяточничества и обогащеніе слѣдователей изъ сундука раскольниковъ.

Противъ Липранди особенное негодованіе возбудило, среди тогдашнихъ псевдо-либераловъ, извѣстное дѣло Петрашевскаго и К°. Не взирая на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ нежеланіе производить слѣдствіе по этому дѣлу, Перовскій заставилъ его принять на себя это порученіе, которое, по просьбѣ Липранди (какъ я лично слышалъ отъ друга Перовскаго, Михаила Николаевича Муравьева), окончилось для преступниковъ не смертною казнію, какъ постановилъ законъ, а каторжными работами.

Иванъ Петровичъ, за годъ до своей смерти, разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, одинъ изъ эпизодовъ этого слѣдствія. Когда дѣло дошло до арестованія виновныхъ, Липранди, по требованію Перовскаго, представилъ списокъ лицъ, подлежавшихъ аресту. Въ спискѣ оказалась фамилія одного журналиста, который присутствовалъ на сборищахъ участниковъ дѣла и былъ даже предназначенъ ими, въ случаѣ государственнаго переворота, на должность министра народнаго просвѣщенія. Перовскій, пробѣжавъ списокъ, утвердилъ его, поставивъ крестъ на имени журналиста и сказавъ Липранди, чтобы онъ переговорилъ объ этой личности съ начальникомъ штаба шефа-жандармовъ, генераломъ Дуббельтомъ. Это крайне удивило Ивана Петровича, который тотчасъ же отправился за разъясненіемъ загадки къ Дуббельту.

— Вы чудакъ, Иванъ Петровичъ! Какъ же, производя слѣдствіе, будучи человѣкомъ умнымъ, вы не догадались, что онъ мой агентъ?—отчеканилъ Дуббельтъ.

Липранди умеръ нищимъ, не взирая на то, что могъ очень легко быть милліонеромъ, но никогда не сѣтовалъ на судьбу свою.

XII.

Преображенскій богадѣленный домъ.—Казначей богадѣльни Семенъ Кузьмичъ.—Конторщикъ Андрей Ларіоновъ Шутовъ, впослѣдствіи вселенскій митрополитъ.—Обыскъ, сдѣланный въ богадѣльнѣ московскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ С. Г. Строгановымъ.—Учрежденіе безпоповцами холерной больницы.—Братья Гучковы.—Вліяніе на безпоповцевъ митрополита Филарета.—Характеристика безпоповцевъ.—Илья Ковылинъ.

Въ 1844 году, я получилъ предписаніе отъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, при которомъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій, принять въ завѣдованіе мое Преображенскій богадѣленный домъ.

Въ сущности, богадѣльня эта была не чѣмъ инымъ, какъ монастыремъ безпоповцевъ, съ нѣсколькими моленными, въ размѣрѣ обыкновенныхъ нашихъ приходскихъ православныхъ церквей.

Богадѣльня, или, точнѣе, монастырь, состояла изъ двухъ частей, раздѣленныхъ между собою каменною оградою. Одна часть монастыря призрѣвала мужчинъ, а другая женщинъ. Всѣхъ призрѣваемыхъ въ монастырѣ было до 2,000 человѣкъ.

Кромѣ ограды, отдѣлявшей мужской монастырь отъ женскаго, каждый изъ нихъ былъ обнесенъ особыми оградами, у воротъ которыхъ, денно и ночно, находились сторожа.

Преображенская богадѣльня имѣла свой весьма значительный скотный дворъ, свой огородъ, отлично содержимый, свои больницы, свои пекарни и кухни.

Нѣсколько разъ въ годъ, цѣлые обозы тянулись вереницею къ богадѣльнѣ, съ дровами, мукой, крупой, сѣномъ, соломой и разною одеждою для призрѣваемыхъ; а наканунѣ Успенія Пресвятой Богородицы, 14-го августа, нѣсколько возовъ присылалось благотворителями, съ разнаго рода фруктами, не исключая ананасовъ, изъ оранжерей братьевъ Гучковыхъ (отецъ которыхъ былъ однимъ изъ попечителей богадѣльни).

При богадѣльнѣ состояло нѣсколько попечителей изъ богатыхъ купцовъ-безпоповцевъ, которые завѣдовали хозяйственною частію монастырей.

Главнымъ распорядителемъ и безотчетнымъ казначеемъ богадѣльни былъ нѣкто Семенъ Кузьмичъ, онъ же и старшій отецъ исповѣдникъ, хранившій въ своемъ сундукѣ сотни тысячъ монастырскихъ капиталовъ.

Семенъ Кузьмичъ, 70-ти лѣтній старикъ, принадлежалъ къ числу закаленныхъ старообрядцевъ-безпоповцевъ: человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, съ замѣчательно твердой волей, съ нравственно-религіознымъ долготерпѣніемъ и мужествомъ,—онъ, если можно такъ выразиться, магнетически дѣйствовалъ на свою многочислен-

ную паству. С. К. ничему не удивлялся, ничего не боялся, безропотно покорялся (естественно наружно) всѣмъ невзгодамъ административныхъ распоряженій, но былъ твердъ и непреклоненъ въ своихъ вѣрованіяхъ и упованіяхъ [1]).

При богадѣльнѣ была контора, которою завѣдовалъ конторщикъ (мѣщанинъ) Андрей Ларіоновъ Шутовъ.

Шутовъ, не взирая на свое скромное положеніе конторщика, являвшагося ко мнѣ чуть не ежедневно съ паспортами поступающихъ въ богадѣльню, выбывающихъ изъ нея (послѣднее случалось очень рѣдко) и умершихъ, имѣлъ огромное вліяніе въ раскольничьей средѣ безпоповцевъ. Нынѣ онъ носитъ званіе «вселенскаго митрополита» (если не ошибаюсь, подъ именемъ Антонія) и пріобрѣлъ себѣ далеко не малую извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и энергическихъ поборниковъ раскола.

Когда начались при графѣ Закревскомъ разнаго рода придирки къ безпоповцамъ, Андрей Ларіоновъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ и былъ посвященъ въ архіереи. Случилось, однако же, такъ, что для заграничныхъ старообрядческихъ церквей понадобилась утварь, и Андрей Ларіоновъ самъ пожелалъ купить всѣ требуемыя вещи въ Москвѣ. Съ этою цѣлію онъ явился въ первопрестольную (разумѣется, безъ паспорта), и тутъ его арестовали; но (какъ передавалъ мнѣ Гучковъ, бывшій московскій городской голова) откупился 50-ю тысячами и благополучно возвратился, съ купленною имъ утварью, въ Австрію [2]).

Въ 1881 году, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, А. Л. Шутовъ проживалъ уже безбоязненно въ Москвѣ и свободно завѣдовалъ своею «всероссійскою» паствою, но, какъ мнѣ передавали, измѣнивъ свой образъ религіозныхъ вѣрованій, которыя сходились болѣе съ рогожскимъ толкомъ, допускающимъ у себя священниковъ.

Близъ Преображенской богадѣльни находился довольно большой Хапиловскій прудъ, въ которомъ безпоповцы крестили младенцевъ своей секты, а за прудомъ было довольно обширное кладбище съ отдѣльной часовней.

Въ то время, когда я принялъ въ завѣдованіе мое Преображенскую богадѣльню, не только новыхъ построекъ, но даже малѣйшаго ремонта (хотя бы окраски крышъ) дѣлать было строго воспрещено, но генералъ-губернаторъ разрѣшалъ, въ случаѣ не-

---

[1]) Онъ былъ сосланъ въ Кострому при графѣ Закревскомъ, такъ какъ отказался сдѣлать какое-то требуемое денежное пожертвованіе изъ монастырской казны.

[2]) Фактъ о выкупѣ подтвердилъ мнѣ въ 1873 году, въ Вѣнѣ, нашъ почтенный покойный протоіерей посольской церкви Раевскій, знавшій лично, какъ онъ говорилъ мнѣ, А. Л. Шутова.

обходимости, разныя поправки, находя вообще воспрещенія въ этомъ отношеніи не имѣющими здраваго смысла.

Той же системы придерживался и графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, который былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, попечителемъ Преображенскаго богадѣленнаго дома.

При графѣ Строгановѣ случился слѣдующій замѣчательный казусъ, который заставилъ его отказаться отъ попечительства надъ Преображенской богадѣльной. Онъ неожиданно получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, Перовскаго, секретное письмо, въ которомъ тотъ просилъ его лично отыскать въ помѣщеніяхъ богадѣльни украденный изъ какой-то православной церкви образъ, который, будто бы, долженъ непремѣнно находиться въ кельѣ настоятеля безпоповцевъ, Семена Кузьмича.

Графъ Строгановъ тотчасъ вызвалъ меня къ себѣ, прочелъ мнѣ письмо Перовскаго и пригласилъ ѣхать съ нимъ въ богадѣльню.

Во все время нашей поѣздки, довольно продолжительной, графъ Сергій Григорьевичъ не проронилъ ни слова.

По пріѣздѣ въ богадѣльню, графъ приказалъ привести трехъ рабочихъ съ ломами и топорами, дабы, въ случаѣ нужды, поднять полъ въ кельѣ Семена Кузьмича. По тщательномъ осмотрѣ всѣхъ угловъ кельи и по открытіи сундука Семена Кузьмича, въ которомъ хранились капиталы богадѣльни, мы положительно ничего не отыскали и за симъ велѣли подымать половики. Пыль и затхлый запахъ оказались единственнымъ результатомъ нашего обыска, во время котораго нужно было удивляться невозмутимому спокойствію хозяина кельи, къ которому графъ Сергій Григорьевичъ, по окончаніи всей этой процедуры, обратился съ слѣдующими словами: «Извините, почтеннѣйшій, что васъ обезпокоили, но дѣло хотя и очень пыльное, но служебное».

По возвращеніи домой, графъ Строгановъ продиктовалъ мнѣ отвѣтное письмо къ Перовскому, въ которомъ «удивлялся неосновательности распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ и съ этимъ вмѣстѣ сообщилъ ему, что исполненіе подобныхъ порученій не соотвѣтствуетъ званію генералъ-адъютанта, а потому онъ и слагаетъ съ себя обязанность попечителя Преображенскаго богадѣленнаго дома».

Послѣ графа Строганова былъ назначенъ попечителемъ Преображенской богадѣльни, начальникъ 2-го округа корпуса жандармовъ, генералъ-лейтенантъ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, человѣкъ чрезвычайно мягкаго характера, неимовѣрно добрый и честный, который придерживался системы своихъ предшественниковъ, не обращая никакого вниманія на пустыя мелочи, которыми впослѣдствіи съ особенною любовью и постоянствомъ занимался графъ Закревскій, ради своихъ личныхъ хозяйственныхъ цѣлей.

При московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ князѣ А. Г. Щербатовѣ и при графѣ С. Г. Строгановѣ, преображенскіе безпоповцы съ особеннымъ усердіемъ и готовностію жертвовали довольно значительныя деньги на вновь учрежденныя и существовавшія благотворительныя общества, но при Закревскомъ они прекратили свои пожертвованія, такъ какъ отъ нихъ вымогались деньги иными путями, негласно и безслѣдно.

Въ 1847 году, по случаю появленія въ Москвѣ холеры, безпоповцы учредили на свой счетъ больницу, спеціально для заболѣвающихъ холерою, не только для принадлежащихъ къ ихъ толку, но и для православныхъ, не исключая нижнихъ воинскихъ чиновъ. Больница эта содержалась не только хорошо, но даже роскошно. Въ нее, отъ правительства, были назначены фельдшера, студенты медицинскаго факультета послѣдняго курса и медики.

Раскольники, естественно, не принимали никакихъ лѣкарствъ, приготовленныхъ въ аптекѣ, и пользовались исключительно молокомъ[1]), которое пили чуть не ведрами, и паровыми ваннами. Нужно при этомъ замѣтить, что смертность между раскольниками, пользовавшимися въ холерной больницѣ, была почти ничтожна въ сравненіи съ больными, пользовавшимися аптекарскою кухнею.

Въ 1848 году, по прежнему примѣру, уже при Закревскомъ, безпоповцы вновь открыли холерную больницу и она была закрыта лишь по совершенномъ прекращеніи эпидеміи.

Я переѣхалъ, въ концѣ 1848 года, изъ Москвы на постоянное жительство въ Петербургъ, по закрытіи яузской и преображенской холерныхъ больницъ, которыми завѣдовалъ въ качествѣ помощника попечителей: яузской—сенатора Чертова и преображенской—генерала Перфильева.

Одни изъ главныхъ сектантовъ преображенскаго толка, братья Гучковы, въ 1851—1852 году перешли въ православіе, и главныя молельни богадѣленнаго дома были превращены въ православныя церкви, а старшій изъ братьевъ, Ефимъ Гучковъ, былъ даже впослѣдствіи московскимъ городскимъ головою.

Для меня всегда казалось страннымъ читать, появлявшіяся иногда въ разныхъ газетахъ, статьи, въ которыхъ утверждалось, что раскольники преображенскаго толка не молятся за царя, когда я, неоднократно присутствуя при ихъ богослуженіи, постоянно слышалъ молитвы за царя и подлежащія власти.

Если главные изъ безпоповцевъ перешли въ православіе, то этимъ всецѣло мы обязаны московскому митрополиту Филарету, который силою своего ума и нравственнымъ вліяніемъ съумѣлъ

---

[1]) Не помню въ которомъ году, я печатно заявлялъ объ этомъ лѣченіи, но не знаю, обратили ли вниманіе на это указаніе лица компетентныя.

уничтожить косность религіозныхъ воззрѣній раскольниковъ, являвшихся къ нему охотно на келейныя бесѣды.

Обращаясь за симъ къ Преображенской богадѣльнѣ (какъ она была въ мое время), я долженъ указать на женскую половину, или женскій монастырь, въ которомъ, кромѣ призрѣваемыхъ старухъ, находились еще приходящія приписныя псаломщицы изъ окрестностей богадѣльни и изъ пригороднаго села Черкизова. Большая часть псаломщицъ отличались молодостью и красотой. Это былъ собственно разсадникъ для удовлетворенія грѣховныхъ увлеченій старыхъ и молодыхъ безпоповцевъ. Въ моленныхъ, во время службы, обозрѣвались псаломщицы, а за симъ поступали въ фаворитки, не оставляя, однако же, своихъ обязанностей псаломщицъ.

Зная хорошо безпоповцевъ, могу сказать утвердительно, что всѣ они, съ рѣдкими исключеніями, отличаются замѣчательною честностью, трезвостью и трудолюбіемъ. Въ какой мѣрѣ похвальныя качества эти сохранились у безпоповцевъ въ настоящее время, — мнѣ неизвѣстно; но втеченіе болѣе пяти лѣтъ, что я завѣдовалъ Преображенскою богадѣльней и имѣлъ съ ними сношенія чуть не ежедневно, мнѣ никогда не случалось наталкиваться на какой либо съ ихъ стороны поступокъ дурнаго свойства.

Что выдѣлывали втеченіе десятковъ лѣтъ разные чиновники, производившіе о нихъ слѣдствіе (по доносамъ, часто анонимнымъ), почти немыслимо. Я знаю, что одинъ изъ такихъ чиновниковъ (притомъ литераторъ), при опечатаніи образовъ, бралъ съ раскольниковъ слѣдующія взятки: чтобы не приложить печати къ лику святаго — 1,000 руб., къ ручкѣ — 500, а чтобы приложить печать къ задней сторонѣ образа — 2,000 руб. Таковы были въ старыя добрыя времена слѣдователи по раскольничьимъ дѣламъ!!...

Въ заключеніе скажу, что основатель московской Преображенской богадѣльни, Илья Ковылинъ, имѣлъ личную бесѣду съ Наполеономъ I, въ 1812 году, въ Москвѣ, и когда Наполеонъ предложилъ ему полную свободу богослуженія для безпоповцевъ съ тѣмъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрноподданствѣ, Ковылинъ отвѣчалъ: «Это дѣло не нашего ума — мы молимся только Господу Богу».

XIII.

Московскій военный генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.— Отношенія его къ государю Николаю Павловичу.— Симпатичная внѣшность князя. — Его характеръ. — Доносъ на него имъ облагодѣтельствованнаго подчиненнаго. — Послѣдствія доноса. — Услуги, оказанныя княземъ Москвѣ и ея жителямъ. — Заботы князя Д. В. о замѣнѣ дровъ торфомъ. — Ускореніе производства слѣдствій. — Нелюбовь князя къ трагедіямъ и драмамъ. — Экспромтъ Н. Ф. Павлова.—Кончина и похороны князя. — Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ.—Характеристика князя С. М.—Бракъ его съ princesse nocturne.— Оскорбленіе дѣйствіемъ. — Разлука новобрачныхъ. — Дѣятельность князя С. М. на благотворительномъ поприщѣ.— Село Кузьминки. — Домашній бытъ князя. — Подача милостыни и посылка пособій.—Прогулка князя съ персіяниномъ.—Наружность и костюмъ князя С. М.—Покровительство, оказываемое имъ молодымъ художникамъ. — Кончина князя.

Въ 30—40-хъ годахъ, Москва гордилась двумя князьями Голицыными, Дмитріемъ Владиміровичемъ и Сергѣемъ Михайловичемъ; оба они были уважаемы и любимы всѣми слоями московскаго населенія: первый какъ справедливый и гуманный начальникъ города, а второй какъ щедрый благотворитель и знатный вельможа [1]).

Свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, московскій военный генералъ-губернаторъ, какъ по своей наружности, такъ и по душевнымъ качествамъ, принадлежалъ къ рѣдкимъ, обаятельнымъ личностямъ, отъ которыхъ вѣетъ честностью, добромъ, прямодушіемъ, любовью. Князь Д. В. не понималъ зла, оно было для него недоступно. Въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ, онъ руководствовался врожденными ему принципами и всегда старался не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, когда можно было ихъ избѣгнуть. Покойный государь, Николай Павловичъ, особенно дорожилъ имъ и, какъ говорилъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, долго грустилъ о его кончинѣ [2]).

Безграничная доброта и снисходительность князя Дмитрія Владиміровича къ поступкамъ другихъ достаточно обрисовывается однимъ слѣдующимъ фактомъ. Облагодѣтельствованный имъ, близко стоящій къ нему подчиненный, во время пріѣзда государя Николая Павловича въ Москву, подалъ ему доносъ на своего благодѣтеля, въ которомъ указывалъ на какія-то мнимыя злоупотребленія, допускаемыя княземъ вслѣдствіе вліянія на него одной женщины.

---

[1]) Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ I класса, андреевскій кавалеръ, украшенный портретами въ бриллiантахъ двухъ государей, Николая I и Александра II, котораго былъ воспріемникомъ отъ купели, вмѣстѣ съ имп. [illegible]ратрицею Маріею Ѳеодоровною.

[2]) Это я слышалъ отъ князя П. [illegible]колая Алексѣевича Орлова, нашего бывшаго посла въ Парижѣ.

Государь зналъ, что доносчикъ былъ всегда покровительствуемъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ и, негодуя на поступокъ неблагодарнаго, передалъ донось князю, со словами:

— Неужели, князь, вы и послѣ этого оставите такого грязнаго мерзавца на службѣ при васъ?

Князь убѣждалъ государя, что доносчикъ сдѣлалъ это съ честной цѣлью, хотя и заблуждался, а за симъ упросилъ государя дозволить оставить на службѣ доносчика. Но этого мало, онъ не преслѣдовалъ автора доноса «съ честной цѣлью», а, напротивъ, остался къ нему милостивъ.

Князь Дмитрій Владиміровичъ любилъ искренно Москву и много сдѣлалъ для нея втеченіе своего долговременнаго генералъ-губернаторства; онъ заботился объ украшеніи столицы устройствомъ бульваровъ, которые до сихъ поръ обращаютъ на себя вниманіе всѣхъ иностранцевъ, посѣщающихъ древнюю столицу; при немъ дрянная, зловонная рѣченка, окаймлявшая кремлевскія стѣны, замѣнена была прелестными садами; во время его генералъ-губернаторства выстроенъ былъ въ Москвѣ первый въ Россіи пассажъ—Голицынская галлерея; при немъ же обновленъ великолѣпно, по проекту архитектора Быковскаго, почти находившійся въ развалинахъ, храмъ Алексѣевскаго монастыря (находящійся насупротивъ недавно поставленнаго Пушкинскаго памятника). Ограничиваюсь этими краткими указаніями, такъ какъ перечень всего, что̀ сдѣлалъ князь Д. В. Голицынъ для украшенія Москвы, былъ бы слишкомъ великъ.

Но, кромѣ украшенія столицы, князь Д. В. много поработалъ на пользу московскихъ жителей: онъ первый обратилъ вниманіе на варварское истребленіе лѣсовъ въ Московской губерніи и старался замѣнить дрова на фабрикахъ и заводахъ торфомъ. Съ этою цѣлью, онъ учредилъ даже постоянный, спеціальный комитетъ, который назывался комитетомъ о торфѣ. За симъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы новые заводы и фабрики въ Москвѣ и ея окрестностяхъ были открываемы не иначе, какъ съ условіемъ отапливанія ихъ торфомъ, въ которомъ не было недостатка, такъ какъ около Москвы существуютъ богатыя залежи хорошаго торфа. Торфяной комитетъ выписывалъ, по приказанію князя, спеціалистовъ по торфяному дѣлу изъ Бельгіи и Голландіи, которые обязаны были примѣнять всѣ новые усовершенствованные способы разработки торфяныхъ залежей на Сукинскомъ болотѣ (самомъ богатомъ по пространству и количественному содержанію торфа), принадлежавшемъ удѣльному вѣдомству.

Зная изъ многочисленныхъ жалобъ и всеобщаго ропота, въ какой мѣрѣ небрежно охранялись въ дворянскихъ опекахъ и сиротскихъ судахъ имущества несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ сиротъ, князь Голицынъ принималъ самыя энергичныя мѣры для

уничтоженія злоупотребленій по этому предмету, и въ случаяхъ, гдѣ злоупотребленія были обнаружены и доказаны, онъ, не взирая на свою рѣдкую доброту, былъ безпощаденъ относительно виновныхъ.

Въ то время, прокурорскій надзоръ почти вовсе не проявлялъ своей дѣятельности, а слѣдственная часть въ рукахъ слѣдственныхъ стряпчихъ и частныхъ и слѣдственныхъ приставовъ представляла какой-то омутъ, въ которомъ творились безнаказанно невообразимыя безобразія: сажали людей въ острогъ и выпускали ихъ изъ тюремъ безконтрольно; слѣдствія длились годами, завися отъ усмотрѣнія слѣдователя; прокуроры и ихъ помощники очень рѣдко, и то только ради исполненія простой формальности, посѣщали тюрьмы; прошенія арестантовъ прокуроры почти всегда клали подъ сукно. Все это не могло не обратить на себя вниманія сердечнаго князя Дмитрія Владиміровича, который, вопреки мнѣнію бывшаго министра юстиціи, графа Панина, учредилъ ходатайство по дѣламъ арестантовъ, назначивъ для этого своихъ чиновниковъ особыхъ порученій. Не прошло и года послѣ этого учрежденія, какъ всѣ слѣдователи подтянулись сильно и слѣдствія стали производиться ими быстро, изъ боязни строгой отвѣтственности. По выходѣ въ отставку преемника князя Голицына, князя А. Г. Щербатова, все пошло на старый ладъ, хотя ходатаи по дѣламъ арестантовъ номинально еще существовали.

Жена князя Голицына, княгиня Татьяна Васильевна, рожденная княжна Васильчикова (родная сестра бывшаго предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Илларіона Васильевича Васильчикова), была въ полномъ смыслѣ слова святою женщиною и боготворила своего достойнаго мужа. Вслѣдствіе ея болѣзненнаго состоянія, балы, рауты и обѣды въ генералъ-губернаторскомъ домѣ давались не часто. Театры князь Д. В. посѣщалъ рѣдко и не любилъ въ особенности трагедій и драмъ. Однажды, по просьбѣ Верстовскаго, онъ поѣхалъ въ театръ, въ бенефисъ знаменитаго въ то время Мочалова. Играли невозможную мелодраму, отъ которой князь чуть не занемогъ; одно лишь случайное обстоятельство привело его нервы въ нормальное состояніе: Н. Ф. Павловъ, по окончаніи послѣдняго дѣйствія драмы, за которымъ слѣдовалъ балетъ, сказалъ экспромтъ, который тотчасъ же былъ тутъ же записанъ и передаваемъ изъ рукъ въ руки. Вотъ этотъ экспромтъ:

«Изъ себя Мочаловъ вышелъ,
Изъ кулисы авторъ вышелъ,
Изъ терпѣнья зритель вышелъ,
А изъ пьесы вышелъ вздоръ».

Это такъ разсмѣшило князя Д. В., что онъ пошелъ на сцену, къ Мочалову, и благодарилъ его, съ обычнымъ добродушіемъ, «за доставленное ему удовольствіе».

Кончина князя Дмитрія Владиміровича сильно огорчила все московское населеніе, которое провожало его отъ Тверской до Донскаго монастыря (гдѣ онъ погребенъ) пѣшкомъ, не взирая на бывшій въ тотъ день ливень.

Если кто нибудь въ Москвѣ достоинъ памятника, то, безъ сомнѣнія, свѣтлѣйшій князь Д. В. Голицынъ, посвятившій всю свою честную, плодотворную, безвозмездную дѣятельность на благо Москвы и ея населенія.

Перейду къ другому Голицыну—князю Сергѣю Михайловичу, который всю свою дѣятельность посвящалъ благотворительности и съ этимъ вмѣстѣ былъ, какъ я выразился выше, истинный вельможа, поддерживавшій достойно свой знатный родъ и свое высокое положеніе въ обществѣ.

Не взирая, однако же, на счастливую обстановку, которою надѣлила его судьба при рожденіи, онъ въ молодыхъ лѣтахъ, женившись по любви (на дѣвицѣ Измайловой), черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, вынужденъ былъ разъѣхаться съ нею: онъ остался въ Москвѣ, а она переселилась въ Петербургъ, гдѣ пріобрѣла названіе «la princesse nocturne», вслѣдствіе того, что превратила для себя день въ ночь, а ночь въ день. Добрый, податливый, мягкій характеръ князя Сергѣя Михайловича—и тотъ не могъ вынести капризовъ и сумасшедшихъ требованій княгини, которая, какъ разсказывали, ѣхавши однажды въ каретѣ съ своимъ мужемъ, «нанесла ему оскорбленіе дѣйствіемъ», какъ выражаются современные юристы.

Тяжело было скромному, тихому князю Сергію Михайловичу перенести этотъ «ударъ», но, наконецъ, онъ примирился съ мыслію одинокаго житія и посвятилъ дѣятельность свою какъ частную, такъ и служебную бѣднымъ сиротамъ и всѣмъ страждущимъ.

Какъ предсѣдатель московскаго опекунскаго совѣта, въ вѣдѣніи котораго находился воспитательный—это святое дѣтище Великой Екатерины — князь С. М. особенно любовно заботился о дѣтяхъ, призрѣваемыхъ въ этомъ заведеніи, и по выходѣ ихъ оттуда зорко слѣдилъ за ихъ дальнѣйшею судьбою. Многіе изъ воспитанниковъ воспитательнаго дома окончили, по милости князя, курсъ въ университетѣ, благодаря, исключительно, нравственной и матеріальной его поддержкѣ. По выходѣ ихъ изъ университета, по его теплому, неотступному ходатайству, они были опредѣляемы на службу, зная, что покровительство и помощь князя никогда не оставитъ ихъ, если они достойны дѣйствительно этой помощи, этого покровительства. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ воспитывавшіеся на средства князя, носили фамилію «Голицынскихъ» и почти всѣ избирали себѣ, по выходѣ изъ университета, педагогическую карьеру, что болѣе или менѣе доказываетъ, что образованіемъ ихъ занимались серьезно.

Состояніе князя С. М. Голицына было громадное: онъ владѣлъ 60,000 душами крестьянъ, которые были счастливы, что принадлежали ему, потому что оброкъ они платили самый незначительный и пользовались даромъ всѣми угодьями. Крестьяне подмосковнаго имѣнія князя, села Кузьминки, вовсе оброку не платили и лѣтомъ, за плату, работали только уборкою княжескаго сада, такъ что содержаніе села Кузьминки обходилось его хозяину по 70—80 тысячъ въ годъ.

Домъ князя С. М., на Пречистенкѣ, отличался свойственною тому времени роскошью, унаслѣдованною отъ предковъ,—роскошью, не бьющею въ глаза, какъ роскошь случайно обогатившихся parvenus, или такъ называемыхъ «мѣщанъ во дворянствѣ». Опытная прислуга никогда не суетилась, сколько бы ни было гостей у князя, и даваемые имъ роскошные балы никогда не требовали придаточнаго найма посторонней прислуги.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ домовую церковь князя собиралось высшее московское общество, но и простому народу входъ въ церковь не былъ воспрещенъ.

Одинъ разъ въ недѣлю, а именно по субботамъ, на дворѣ князя стекалась масса бѣдныхъ, которымъ раздавалась милостыня деньгами и хлѣбомъ, по старому русскому обычаю [1]); по субботамъ же дѣлалось распоряженіе о посылкѣ вспомоществованій тѣмъ нуждающимся, которые обращались къ князю письмами. Кромѣ того, князь Сергѣй Михайловичъ выдавалъ пожизненныя—иногда очень крупныя—пенсіи лицамъ, которыхъ онъ зналъ лично, какъ достойныхъ вниманія и сожалѣнія.

Ежедневно, князь С. М. утромъ, дѣлалъ прогулку по московскимъ улицамъ, пѣшкомъ, въ сопровожденіи призрѣннаго имъ персіанина, который, зимою, въ самый сильный морозъ, выходилъ на воздухъ не иначе, какъ въ бѣлыхъ лѣтнихъ брюкахъ и легкомъ сюртукѣ, такъ какъ постоянно страдалъ отъ жара въ крови, что немало удивляло всѣхъ.

Князь С. М. Голицынъ, передъ графомъ С. Г. Строгановымъ, былъ попечителемъ Московскаго университета, но всегда сознавался, что «это мѣсто было для него не по плечу», прибавляя при этомъ, шутя, что онъ всегда боялся ученыхъ профессоровъ и полулученыхъ студентовъ. Онъ обожалъ своего крестника, покойнаго государя Александра Николаевича, и былъ счастливъ участвовать

---

[1]) Когда явился генералъ-губернаторствовать, въ Москву, извѣстный графъ Закревскій, то онъ вздумалъ написать князю С. М. письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы ради порядка князь присылалъ раздаваемыя имъ по субботамъ деньги нищимъ, въ его, Закревскаго, канцелярію. На этомъ письмѣ, князь написалъ слѣдующую резолюцію, возвративъ письмо обратно Закревскому: «У меня въ домѣ три хозяина—Богъ, государь и я; другихъ не признаю». Закревскій бѣсился, но не посмѣлъ болѣе вмѣшиваться въ распоряженія князя.

при его коронаціи, въ почетномъ званіи коронаціоннаго маршала, предшествующаго, съ жезломъ въ рукахъ, церемоніальное шествіе.

Наружность князя была некрасива: большая голова, съ одутловатыми скулами, на маленькомъ туловищѣ; обычный костюмъ его—синій фракъ съ золоченными пуговицами, бѣлый жилетъ и черныя брюки. Вслѣдствіе постоянной сыпи на рукахъ, онъ всегда носилъ вязаныя, шелковыя, коричневаго цвѣта перчатки.

Князь Голицынъ покровительствовалъ молодымъ художникамъ и многіе изъ нихъ обязаны ему были матеріальной поддержкой; къ числу ихъ принадлежалъ нашъ даровитый скульпторъ Рамазановъ, на котораго князь обратилъ вниманіе государя Николая Павловича.

Князь Сергій Михайловичъ умеръ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ и оставилъ послѣ себя огромное состояніе, перешедшее во владѣніе къ сыну его племянника, такъ какъ князь дѣтей никогда не имѣлъ.

XIV.

Оговорка автора воспоминаній. — Степанъ Александровичъ Хрулевъ. — Мое съ нимъ знакомство. — Характеръ Хрулева. — Дѣятельность Хрулева въ Варшавѣ. — Его совѣты и предсказанія. — Хрулевъ и народная о немъ память. — Указанія Хрулева графу Ламберту относительно польскаго духовенства. — Хрулевъ въ частной жизни. — Деньщикъ Степка въ роли польскаго помѣщика. — Мнѣніе Хрулева о нашей роли въ Азіи и о славянахъ. — Мягкость его характера. — Графъ Іосифъ Карловичъ Ламбертъ. — Его понедѣльники. — Общество, къ нему сходившееся. — Гостепріимство графа Ламберта. — Бесѣды застольныя. — Habitués графа Ламберта. — Его жена. — Смерть его сына и его смерть.

Начиная настоящую главу моихъ воспоминаній, вторично прошу читателей—не искать въ моемъ изложеніи какой бы то ни было системы, какой бы то ни было подготовки. Я того мнѣнія, что воспоминанія тогда лишь могутъ заключать въ себѣ дѣйствительный интересъ, когда личность пишущаго вполнѣ стушевывается и когда авторъ воспоминаній превращается въ фотографа, не допускающаго ретуши. Воспоминанія должны быть строго объективны; только такія воспоминанія, по глубокому убѣжденію моему, могутъ представлять интересъ историческій — иначе они вторгнутся въ область беллетристики, чуждую исторіи и требующую такихъ условій, которыя для меня непосильны.

Оговорившись, навожу мой нехитрый фотографическій снарядъ на усопшихъ и продолжаю.

Втеченіе моей довольно долговременной жизни (67 лѣтъ), мнѣ только два раза случилось встрѣтить два чисто-русскихъ (не гнилыхъ славянскихъ—Боже избави!) типа желѣзной воли, безпредѣльной любви къ отчизнѣ и геройскаго закала; это были Степанъ Александровичъ Хрулевъ и Яковъ Петровичъ Баклановъ, внукъ Пугачева.

Съ Хрулевымъ я близко сошелся въ 1849—1850 годахъ, встрѣчаясь съ нимъ часто у графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Въ то время за Хрулевымъ всѣ ухаживали, отъ мала до велика, и слава его не перестала еще гремѣть.

Въ 1861 году, въ Варшавѣ, втеченіе довольно продолжительнаго времени, въ самый разгаръ польскихъ смутъ, я жилъ въ Замкѣ подъ одной крышей съ Хрулевымъ и былъ очевидцемъ той гражданской доблести, того рыцарскаго мужества, съ какими онъ отстаивалъ честь и интересы народа русскаго. Были минуты, когда окружающая его среда падала духомъ, и въ эти именно минуты Хрулевъ являлся тѣмъ, чѣмъ онъ былъ дѣйствительно, т. е. героемъ и человѣкомъ, ставящимъ выше всего долгъ свой. Хрулевъ не разсчитывалъ на эфекты славы съ послѣдствіями—онъ инстинктивно увлекался дѣломъ, а дѣло влекло его къ славѣ.

Хрулевъ былъ героемъ на полѣ брани, на полѣ чести; онъ находился въ кровавыхъ битвахъ съ врагами отчизны, за которую пролилъ немало своей крови, и борьба эта не сокрушила его духа: онъ оставался все тѣмъ же храбрымъ, доблестнымъ, честнымъ воиномъ, какимъ былъ въ юности; но борьба со злобою, съ завистью съ ненавистью, съ подпольною интригою, сокрушила его. Онъ мучился, страдалъ нравственно, и страдалъ тѣмъ болѣе, что не въ его характерѣ было жаловаться. Хрулевъ переносилъ гнётъ обстоятельствъ, гнётъ среды, въ которой жилъ и вращался, съ внѣшнимъ хладнокровіемъ, присущимъ его желѣзному характеру; но сердце его томилось, душа страдала. Отстрадавши столько, на сколько въ силахъ выстрадать человѣкъ, Хрулевъ успокоился наконецъ покоемъ вѣчнымъ,—тѣмъ покоемъ, который не въ силахъ нарушить ни злоба, ни зависть, ни клевета, ни ненависть...

Имя Хрулева вспомнилъ, однако же, народъ русскій, когда узналъ о кончинѣ севастопольскаго героя: многочисленная толпа явилась, безъ всякаго призыва, на послѣднія проводы умершаго героя.

Въ Варшавѣ, когда вся мѣстная администрація наша, не желавшая видѣть очевиднаго, теряла между тѣмъ голову, Хрулевъ оставался невозмутимъ и указывалъ смѣло на необходимость принять мѣры рѣшительныя, а не палліативныя, которыя были внушаемы администраторамъ Вельепольскимъ и его клевретомъ, жидомъ Енохомъ.

При Сухозанетѣ, Хрулевъ, какъ командовавшій войсками, въ Варшавѣ расположенными, неоднократно говорилъ громогласно, что

отдавать строгіе приказы и прокламаціи, не заботясь о ихъ немедленномъ исполненіи, повлечетъ за собою безначаліе, анархію, которой и добиваются всѣми мѣрами ксендзы и вожаки красной партіи Мирославскаго.

Не взирая на то, что Хрулевъ былъ назначенъ корпуснымъ командиромъ, по представленію графа Ламберта, онъ первый осмѣлился сказать намѣстнику-католику, что пристрастіе его къ польскому католическому духовенству не поведетъ къ добру и уронитъ окончательно престижъ нашей власти,—престижъ, почти уже исчезнувшій, по милости растерявшихся администраторовъ. Хрулевъ предсказывалъ еще при Сухозанетѣ, что если такъ будетъ продолжаться, то неминуемо возникнетъ вооруженное возстаніе польскихъ шаекъ, опьяненныхъ безнаказанностію своихъ коноводовъ. Предсказаніе это, къ сожалѣнію, сбылось...

Хрулевъ, въ частной жизни, былъ чрезвычайно сердеченъ и всегда являлся горячимъ ходатаемъ угнетенныхъ, бѣдныхъ, несчастныхъ. Нужно было видѣть, какъ онъ всегда старался пристроить бывшихъ своихъ подчиненныхъ, помогая имъ изъ послѣднихъ грошей своихъ и заботясь о нихъ какъ о близкихъ родныхъ.

При серьёзномъ своемъ характерѣ, онъ былъ иногда не прочь пошутить, пошкольничать. Такъ, между прочимъ, въ Варшавѣ, онъ придумалъ такую штуку.

Въ числѣ начальниковъ военныхъ отдѣловъ города, находился генералъ Веселицкій, большой болтунъ, хвастунъ и чрезвычайно тщеславный человѣкъ. Особенно огорчался онъ невниманіемъ и даже пренебреженіемъ къ нему поляковъ, при встрѣчѣ на улицахъ. Хрулевъ, желая посмѣяться надъ обидчивымъ генераломъ, распорядился слѣдующимъ образомъ: онъ нарядилъ хохла-деньщика своего, по прозванію Степка, въ польскій костюмъ и велѣлъ ему, въ извѣстный часъ, когда Веселицкій шелъ въ клубъ обѣдать, встрѣтить генерала, посторониться почтительно при этомъ и приложить руку къ своей конфедераткѣ.

Степка исполнилъ въ точности приказаніе своего начальства.

Веселицкій пришелъ въ восторгъ отъ вниманія мнимаго поляка и, подавая ему руку, спросилъ, давно ли онъ пріѣхалъ въ Варшаву?

Степка отвѣчалъ, не отнимая руки отъ шапки: «Два года, ваше превосходительство!»

— Вы вѣрно здѣсь по своимъ дѣламъ?—продолжалъ Веселицкій.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство,— служу въ деньщикахъ у генерала Хрулева.

Эта шутка осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ Веселицкій не пожелалъ подымать изъ-за нея исторіи, дабы не послужить предметомъ общихъ насмѣшекъ.

Хрулевъ былъ очень уменъ, несловоохотливъ и обладалъ способностію тонкаго анализа предметовъ, обращавшихъ на себя его

вниманіе; онъ былъ очень любознателенъ и интересовался вопросами дня, особенно политическими и военно-административными. Когда были уничтожены корпуса и корпусные командиры (нынѣ возстановленные), Хрулевъ сильно ратовалъ противъ этой мѣры, утверждая, что она не практична. Онъ много писалъ по этому предмету, а также составилъ нѣсколько записокъ о средне-азіатской торговлѣ, самое широкое развитіе которой онъ считалъ для насъ необходимымъ въ экономическихъ и политическихъ интересахъ Россіи. По мнѣнію Хрулева, Россія, рано или поздно, должна вытѣснить Англію изъ предѣловъ Азіи и что Индія будетъ принадлежать намъ.

Славянъ онъ крайне не жаловалъ, всегда обзывалъ ихъ гнилью и удивлялся, какъ такіе умные люди, какъ Аксаковъ и Юрій Самаринъ, могли заниматься этими мертворожденными, удѣлъ которыхъ всегда былъ и будетъ состоять въ рабствѣ, подъ чьимъ либо игомъ. Я съ своей стороны, каюсь, поддерживалъ Хрулева въ этихъ убѣжденіяхъ, говоря, что славяне, если о нихъ выразиться поделикатнѣе, пофранцузски, не что иное, какъ de la pouriture, avant maturité. Степану Александровичу это очень понравилось, и онъ неоднократно заставлялъ меня повторять ему французское деликатное опредѣленіе славянства. Одни черногорцы были по душѣ Хрулеву, который увѣрялъ, что черногорцы наши бѣглые казачки и что они къ намъ непремѣнно перейдутъ.

Не взирая на свою суровую наружность, не смотря на свою репутацію безпощаднаго рубаки, Хрулевъ былъ чрезвычайно гуманенъ и воистинну сердеченъ.

Хрулева я видѣлъ и зналъ какъ въ апогеѣ его величія и славы, такъ и въ дни невзгоды и нужды—онъ всегда оставался тѣмъ же доблестнымъ, благороднымъ человѣкомъ, какимъ создала его природа, и для пользы другихъ часто забывалъ свои личные интересы. Таковъ былъ его характеръ и таковы были побужденія его плодотворной дѣятельности.

Въ воспоминаніяхъ моихъ о Варшавѣ [1]), я говорилъ о намѣстникѣ царства Польскаго, графѣ Карлѣ Карловичѣ Ламбертѣ, и считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о братѣ его Іосифѣ Карловичѣ Ламбертѣ, личности, по своему характеру, образу дѣйствій, представлявшей замѣчательный контрастъ брата своего.

Родъ графовъ Ламбертовъ принадлежитъ къ древней французской аристократіи. Отецъ графовъ Іосифа Карловича и Карла Карловича Ламбертовъ покинулъ свое отечество во время первой французской революціи и переселился въ Россію, гдѣ поступилъ въ

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1886 г., № 12.

военную службу и женился на дочери богатаго малороссійскаго помѣщика Дѣева. Оба сына графа-эмигранта, по окончаніи своего воспитанія, послѣдовали примѣру отца, избравъ военную карьеру.

Графъ Іосифъ Карловичъ получилъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, званіе флигель-адъютанта, засимъ свиты генералъ-маіора и, наконецъ, генералъ-адъютанта. Онъ унаслѣдовалъ отъ своей матери необычайную доброту, самое широкое гостепріимство, доступность и любовь къ людямъ, къ обществу.

Понедѣльники графа Іосифа Карловича привлекали, по вечерамъ, подъ его гостепріимный кровъ все лучшее петербургское общество. Съѣзжались около восьми часовъ, составлялись кружки бесѣдующихъ и играющихъ въ карты. Фраки не допускались—непринужденность всеобщая. Кто только не бывалъ у графа Іосифа Карловича? и великіе міра сего, и литераторы, и артисты, и художники, все это являлось къ радушному хозяину, принимавшему всѣхъ гостей своихъ одинаково сердечно и старавшемуся сблизить ихъ въ общей бесѣдѣ. У графа бывали и бывшій министръ двора, А. В. Адлербергъ, и московскій артистъ, вѣчно слезливый, Щепкинъ, и генералъ-адъютантъ А. И. Веригинъ (нынѣ членъ государственнаго совѣта), и безногій полякъ, на костыляхъ, Дениско (извѣстный тѣмъ, что пріѣхалъ по дѣлу въ Петербургъ на недѣлю и пробылъ въ приневской столицѣ безвыѣздно болѣе сорока лѣтъ, до своей кончины), и графъ В. Е. Канкринъ, и артистъ В. В. Самойловъ, и полковникъ Борщовъ, съ красавицей-женой (рожденной графиней Кутайсовой), и испанскій посолъ герцогъ д'Оссуно. Къ поименованнымъ лицамъ нужно прибавить постоянныхъ посѣтителей графа Іосифа Карловича, генерала (остряка и поэта) Ѳ. С. Чернышева, увлекательнаго разсказчика; генерала Л. Н. Эртеля, бывшаго петербургскаго брандтъ-маіора (человѣка съ грубыми манерами и съ физіономіей, напоминающей ватрушку); даровитаго беллетриста нашего Д. В. Григоровича; вѣчно подшучивавшаго надъ Дениской К. О. Штрика, подсылавшаго къ безногому поляку во время его болѣзни повивальныхъ бабокъ; инженера главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ Кеневича (родомъ поляка), взявшагося перевозить во время послѣдняго польскаго возстанія ружья къ повстанцамъ (онъ былъ повѣшенъ въ Казани, въ 1862 году); симпатичнаго поэта Амосова, забавлявшаго всѣхъ игрой на гитарѣ и разными пародіями на знаменитыхъ артистовъ; К. А. Рюля, часто рисовавшаго на papier pelé прелестные пейзажи, или дѣлавшаго чрезвычайно искусно разные фокусы; князя Багратіона (впослѣдствіи генералъ-губернатора Прибалтійскихъ губерній); автора «Тарантаса», графа Сологуба; редактора «Военнаго Сборника», толстаго генерала Менькова, любившаго поѣсть и попить за десятерыхъ; графа К. К. Ламберта и постояннаго его спутника, полковника Ве-

ригина; графа Орлова-Денисова, котораго до старости лѣтъ называли Ѳединькой, и проч., и проч.

Въ два часа по полуночи подавался ужинъ, предшествуемый закусками, занимавшими цѣлыхъ два стола. Во время ужина начинались разсказы, одинъ другаго интереснѣе, въ которыхъ принималъ подчасъ участіе Д. В. Григоровичъ, разсказавшій, между прочимъ, однажды свое путешествіе на востокъ въ такой юмористической формѣ, что всѣ присутствовавшіе положительно страдали отъ неудержимаго, невольнаго истерическаго хохота. Ужинъ, или, правильнѣе, бесѣда кончалась обыкновенно около 4—5 часовъ по полуночи.

Дамъ-habituées почти не бывало на вечерахъ графа Ламберта, женатаго на графинѣ Канкриной, дочери бывшаго министра финансовъ, женщинѣ чрезвычайно тучной, весьма некрасивой, bas-bleu par excellence. Изрѣдка пріѣзжала съ мужемъ прелестная, миловидная, замѣчательно умная и любезная Софья Яковлевна Веригина (рожденная графиня Булгари), всегда одушевлявшая общество своимъ присутствіемъ.

Понедѣльники графа І. К. Ламберта представляли нѣчто выдающееся въ петербургской суетливо-искательной жизни; говорили обо всемъ, за исключеніемъ службы, производствъ, наградъ и городскихъ сплетенъ о частной жизни петербургскихъ обывателей. Хозяинъ дома былъ тоже хорошій разсказчикъ, который немало оживлялъ общее настроеніе.

Рѣдкій, пріятный домъ графа Ламберта былъ закрытъ для обычныхъ пріемовъ со смертію единственнаго его 14-тилѣтняго сына, который, естественно, былъ обожаемъ своими родителями, тѣмъ болѣе, что подавалъ блестящія надежды. Графъ продалъ свой домъ, въ Фурштадтской, покинулъ Петербургъ, принявъ на себя должность директора военной богадѣльни въ Москвѣ, гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока болѣзнь его, которою онъ страдалъ давно, не приняла слишкомъ серьёзнаго характера. Онъ переѣхалъ на жительство обратно въ Петербургъ, гдѣ и скончался. Графиня Ламбертъ, по смерти сына, предалась ханжеству и умерла послѣ тяжкой болѣзни.

Въ настоящее время, если умеръ сынъ Карла Карловича Ламберта, никогда не появлявшійся въ Россіи, нѣтъ болѣе представителей знатнаго рода графовъ Ламбертовъ, одинъ изъ которыхъ, графъ Карлъ, такъ печально окончилъ въ Варшавѣ свою служебную дѣятельность.

И. Арсеньевъ.